

Бажовский круг

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова

БАЖОВСКИЙ КРУГ

Екатеринбург – 2026

83.3(2Рос=Рус)6

Б 16

Б 16

Бажовский круг / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова ; составитель О.И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2026. – 93 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В 2026 году мы отмечаем значимые юбилеи уральских сказов Павла Петровича Бажова. В связи с этим событием мы хотим представить вам «Бажовский круг» — уникальное сообщество единомышленников, объединенных глубокой любовью и преданностью творчеству великого уральского сказителя.

© ГБУК СО СОМБ, 2026

Содержание

Зачин	2
Владимир Павлович Бирюков	6
Александр Геннадьевич Больных	11
Серафима Константиновна Власова	17
Юрий Киприянович Гребеньков	22
Нина Георгиевна Кондратковская	28
Николай Александрович Напазаков	35
Николай Евгеньевич Ончуков	41
Евгений Андреевич Пермяк	46
Степан Григорьевич Писахов	52
Юрий Георгиевич Подкорытов	58
Трофим Григорьевич Рябинин	64
Ольга Александровна Славникова	68
Сергей Иванович Черепанов	75
Борис Викторович Шергин	81
Концовка	88

В далёкие-далёкие времена, когда люди ещё совсем не умели писать и не придумали ни буквы, ни даже иероглифы, одна у них была надежда на память да на устное слово. И хранителями памяти рода были самые старшие – именно они передавали из поколения в поколение всё, что происходило с их предками.

Наверное, ещё в пещерах и самых древних жилищах долгими зимними вечерами возле костра, когда мужчины чинили сети, а женщины в больших глиняных котлах варили рыбу и мясо мамонта, ребятишки собирались возле старейшины и он вёл протяжный рассказ. С горящими глазами слушали дети о подвигах охотников, одолевших медведя, или воинов, защитивших свой род от коварных соседей. От рассказчика к рассказчику герои этих событий становились всё более могучими и храбрыми. И точно также много веков, а может, и тысячелетий спустя в русских избах собирались дети и взрослые и слушали стариков. А они вспоминали о людях, живших в этих краях. И эти сказания не стали сказками, а стали сказами: в них была большая правда о былом, о том, что на самом деле было.

Зачин

Сказ – это не совсем обычный литературный жанр, для которого характерно особое повествование, которое строится как рассказ лица, заведомо не совпадающего с автором и обладающего яркой речевой манерой. При этом рассказчик сказа – чаще всего человек «из народа», его язык полон просторечий, является одновременно художественным и бытовым. Нередко в сказе используются диалектные слова, типично фольклорные обороты. Иногда сказ претендует на реалистичность, иногда вводит в повествование мистические и фантастические элементы. Сказ обычно сравнительно невелик по объёму и близок к рассказу, иногда к короткой повести. Нередко благодаря характерным историческим и фольклорным отсылкам, речевым характеристикам сказ привязан к определенному региону.

Создание сказа требует не только языкового чутья, но и вкуса. В нем важно, с одной стороны, отразить особенности нужного стиля речи, с другой – остаться понятным читателю.

Одним из писателей, сформировавших жанр сказа, является Н.С. Лесков. Его «Левша» имеет жанровый подзаголовок «сказ о тульском косом левше и о стальной блохе», и для него характерны все черты жанра.

Представьте себе, как писатель, путешествуя по просторам России, с увлечением записывает свои наблюдения и размышления! Именно так, вдали от шумных городов, Николай Лесков создавал свои неповторимые произведения, которые он сам называл «сказами». Он не просто писал, он словно рассказывал истории, подсмотренные им в самой жизни, наделяя их неповторимым колоритом и живостью. Его произведения отличались особым языком, имитирующим народную речь и создающим эффект присутствия.

«Запечатлённый ангел»

Рассказ каменщика из старообрядческой артели о спасении дивной иконы ангела: чтобы выволить отобранную у них икону, староверы отправляются в дальнее путешествие и решаются на преступление, в котором им помогает англичанин. «Запечатлённый ангел», вероятно, самый искусный пример лесковского сказа, отчасти потому, что имитация народной речи здесь сопряжена с этнографическим исследованием.

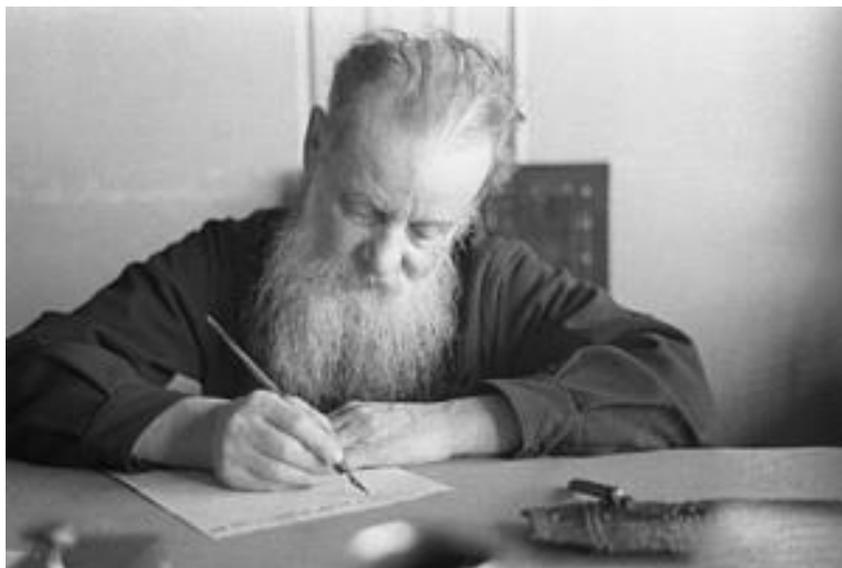
«Сей ангел воистину был что-то неопишное. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлостожественный и этаким скоромощный; взор умилен; ушки с тороцами, в знак повсеместного отсюду слышания; одеянье горит, рясны златыми преиспещрено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эмануилов; в правой руке крест, в левой огнепалющий меч. Дивно! дивно!... Власы на головке кудреватые и русые, с ушей ловились и проведены волосок к волоску иголкой.

Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и, где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стихаешь, и в душе станет мир. Вот это была такая икона!».

Наш земляк Павел Петрович Бажов освоил литературный жанр уральского сказа. Этот жанр, в котором он стал непревзойденным мастером, сочетает в себе особенности фольклора, устного народного творчества и литературной обработки. Бажов не просто записывал и пересказывал народные сказания, а создавал на их основе собственные, авторские произведения.

Он тщательно изучал язык уральских горнорабочих, чтобы максимально аутентично передать его в своих сказах. Его сказы отличаются образностью, метафоричностью, использованием местного колорита и своеобразным ритмом речи.

В сказах Бажова оживают мифические существа, герои и духи уральской земли, такие как Хозяйка Медной горы, Данила-мастер, Великий Полоз. Наиболее известным сборником его сказов является «Малахитовая шкатулка». Всего Бажов написал 56 сказов, которые при жизни автора выходили под разными названиями, включая «горные сказки», «рассказы» и «сказы».

«Старая сказка нужна. В ней много той дорогой были, которая полезна сейчас и пригодится потом. По этим дорогим зернышкам люди наших дней въявь увидят начало пути, и напомнить это надо. Недаром говорится: молодая лошадка по торной дороге легко с возом идет и о том не думает, как тяжело пришлось тем коням, которые первыми по этим местам проходили.»

То же и в людской жизни: что ныне всякому ведомо, то большим потом и трудом прадедам досталось, да и выдумки требовало, да еще такой, что и теперь дивиться приходится.

Так вот освеженным глазом смотреть на родной край, на его людей и на свою работу и научили меня годы войны, как раз по присловию: после большой беды, как после горькой слезы, глаз яснее, позади себя то увидишь, чего раньше не примечал, и вперед дорогу дальше разглядишь».

Бажов вдохновлялся рассказами деда Слышко – реального человека, троюродного деда писателя Василия Хмелинина. Именно его истории о горных силах, камнях и мастерах послужили основой для создания сказов. Бажов опирался на рабочий фольклор Урала. Писатель собирал предания, бытовавшие в рабочей среде: исторические и семейно-родовые топонимические предания, народные гадания, приметы.

Бажов создал образы, которые олицетворяют богатство уральских недр, трудолюбие мастеров и вечную связь человека с природой. Данила-мастер – символ творчества, упорного труда и духовного поиска.

Как литературный жанр сказ во многом уникален. Он предполагает активное участие слушателя сказа в повествовании. По мнению Е.А. Поповой, *«слушатели – такой же компонент сказа, как и рассказчик»*.

Ю.Н. Тынянов также подчеркивает роль читателя, отмечая, что *«сказ делает слово физиологически ощутимым – весь монолог, он адресован каждому читателю – и читатель входит в рассказ, начинает интонировать, жестикулировать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя»*.

Исследователи отмечают, что сказ создает эффект диалога с читателем и аудиторией. И в этом его уникальность. Мы отправляемся в мир сказов писателей нашей необъятной страны которые вместе с нами откроют сказовый мир удивительных героев и мир уникальной природы России.

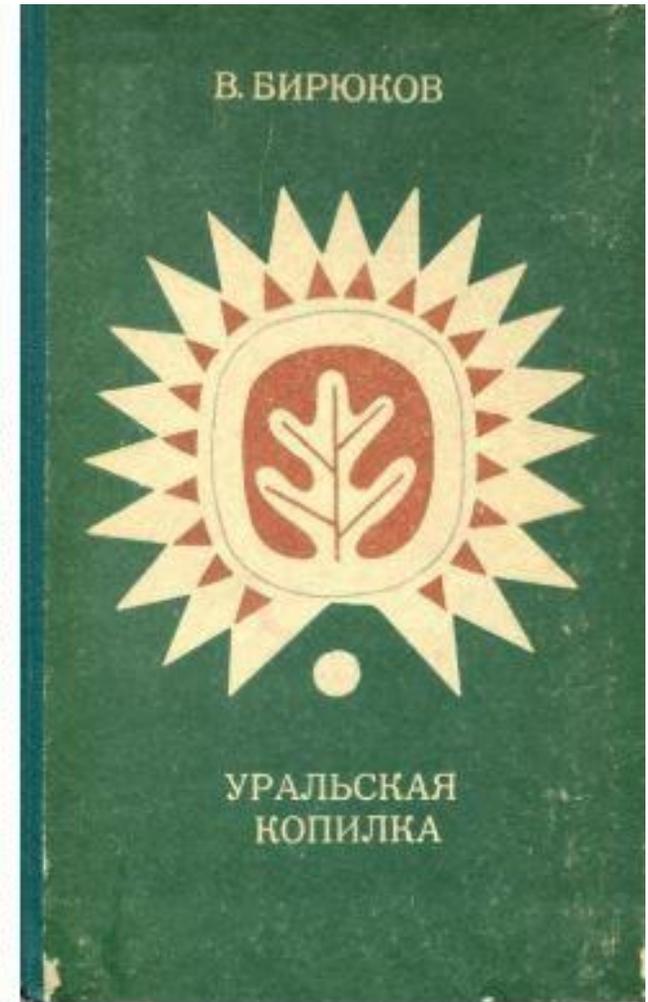
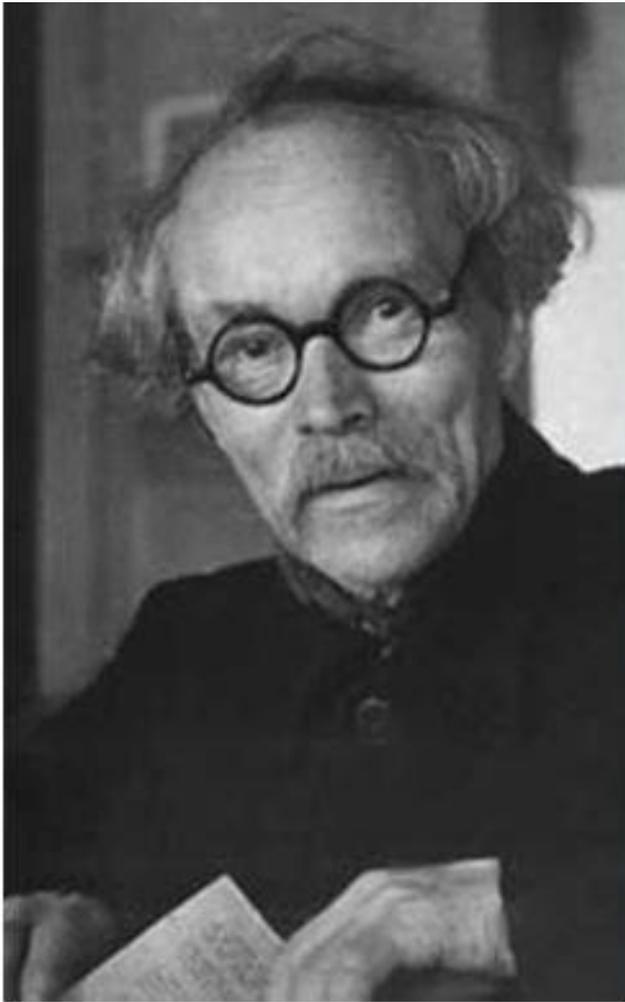
ПРО СКАЗЫ ДАВНИЕ НАСЛУШАВШИСЬ...
(отрывок)

*Мы, с небылицей, явь микшируя,
Живём в реальности с фантазией,
Чтоб лишь одною мысли силою,
Уйти от скук однообразия...*

*С намёком всякое сказание.
И польза здесь – в уроке даденном,
Чтоб поколениям в назидание
Не навредила злобы гадина...*

Фандорин Владимир

Владимир Павлович Бирюков

«Кто хочет знать историю и быт какого-нибудь народа, – отмечает В.П. Бирюков, – тот должен, прежде всего, изучить его язык. Это – ключ к пониманию души народа, его прошлого, его чаяний на будущее».

Ураловед, лексикограф, музеевед, архивовед, археолог, историк, фольклорист, этнограф, писатель. С 1917 по 1931 г. он был руководителем им же созданного научного хранилища в г. Шадринске, заведения, которое фактически было своего рода гибридом архива, музея и библиотеки.

Всю жизнь собирал и записывал сказы народов Урала. Его работы в жанре сказов опубликованы в сборниках, посвящённых фольклору Урала. «Герой краеведения», – так называл Бирюкова академик Ферсман.

«Урал в его живом слове» – книга, где Бирюков собрал и составил сказы, записанные в Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской областях и Башкирской АССР. Книга **«Фольклор Урала. Исторические сказы и песни (дооктябрьский период)»** – сборник, в который вошли сказы, записанные Бирюковым, с выделением наиболее важных периодов отечественной истории, нашедших отражение в устном творчестве народа.

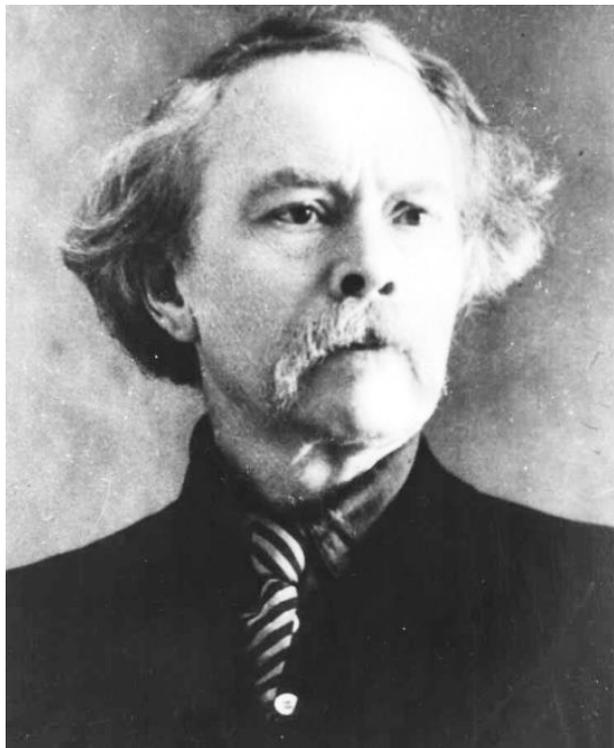
Его мать родилась в пограничном когда-то селе Колчедан, которое основали исетские казаки. Люди в том селе были бойкие, за словом в карман не лезли, поэтому матушка большей частью выражалась пословицами и поговорками (к примеру: –Ума-то палата да дичи Саратовская степь, или – Пашка, рубаха-то у тебя – присеки огня). Еще в говоре матери было много необычных для литературной речи слов, к примеру: баруль – невежа, грубиян; сайгать – рыскать, бегать; шамела – тот, кто всем мешает, бегаёт; называла детей вертошарыми, сломиголовыми или полодырыми.

А его отец любил старинные слова, так как служил в местном храме. Например, он говорил не «конь», а «комонь», вместо слова «любитель» он употреблял слово «источник» (я не источник на сладкое). Так что, языковая среда Бирюкова с детства была интересной и весьма необычной. Обладая великолепной памятью, он почерпнул в родном селе короба народной мудрости, поэзии и юмора. Ничто фольклорное или диалектное не проходило мимо него.

«Мне, как собирателю фольклора и местного словаря, всегда так скучно в плацкартных и мягких вагонах, – признается В.П. Бирюков. – То ли дело ехать в общем вагоне! Тут подлинная жизнь трудового народа, пусть даже с некоторыми темными ее сторонами. Сколько было записано мной во время этих поездок местных слов, метких выражений, пословиц, поговорок, бытовых и всяких других рассказов, в частности, сказов о Петре Великом. Да разве перечислить все, что записано мной в этом поезде Шадринск – Свердловск!»

В поисках меткого слова он совершает многодневные походы по Уралу и Зауралью, заходит во все уголки, где звучит образное народное слово, где можно услышать и записать новую песню, пословицу, прибаутку, рассказы непосредственных участников великих

Коллекции Бирюкова не знали пробелов: он собирал все, что дано природой или сотворено человеком, и вполне оправдывал созданную научным фольклором дружескую эпиграмму: «Для кого пылинка – сор, для Бирюкова все – фольклор...». Над его «всеядностью» шутили, иногда и смеялись, но кто обратился к собранию Бирюкова хоть раз, тот не мог не прийти в изумление от полноты справки и от неожиданности неизвестных деталей.

Повседневная живая связь с родным краем, который он вдоль и поперек исколесил с котомкой за плечами и записной книжкой в руках, творческое общение с народом позволили Бирюкову накопить богатейшие материалы по народному устнопоэтическому творчеству, характеризующие жизнь и быт Урала и Зауралья в прошлом и в советскую эпоху. Собранное им представляет своего рода энциклопедию знаний о родном крае и населяющих его людях.

Явившись первым собирателем уральского рабочего фольклора, В.П. Бирюков записал и сохранил для потомства немало ценнейших устнопоэтических произведений рабочего класса, решительно отвергающих версию буржуазных ученых-фольклористов о якобы духовной бедности и художественной невыразительности устного творчества рабочих.

Словарики старателей, камнерезов, горнозаводских рабочих, которыми сопровождается публикация устнопоэтических произведений, знакомят со спецификой рабочих профессий, раскрывают своеобразный быт тружеников дореволюционного Урала.

Чудесный народный сказ «Искра» раскрывает огромную силу воздействия большевистских идей на умы и сердца трудящихся.

«Кто газету возьмет, – говорится в сказе, – на того искры большие и малые сыплются, дождем льются. Возьмет газету буржуй – ему искры глаза смертно колют. Возьмет газету рабочий или крестьянин – так искры его согревают.

И ни одна искорка от той «Искры» даром не упала...».

В грозные годы Великой Отечественной войны советский народ выражал в песнях и сказках, частушках и пословицах свою веру в победу над черными силами фашизма, готовность до конца отстаивать Родину. В книге Бирюкова помещено несколько сказов и воспоминаний, много песен, частушек, поговорок и крылатых слов о фронтовых делах и тыловых победах уральцев:

- **«Не жалеи, Урал, рук, гни фашиста в крюк!».**
- **«Мастерами из Тагила немцам роется могила».**

Шмаков Александр Андреевич в статье «ПАТРИАРХ УРАЛЬСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ» пишет о значении трудов уральского краеведа:

«Самое большое и трудоемкое, что подготовил писатель-краевед, – «Словарь народного языка на Урале». На изучение и соби́рание материалов для этого словаря потрачено свыше сорока лет. Объемистая рукопись в сотни печатных листов пока еще не издана. Чтобы по-настоящему оценить этот труд Бирюкова, не лишне вспомнить имя Владимира Даля – составителя толкового словаря, посвятившего всю свою жизнь собиранию и обработке слов, говоров, пословиц и поговорок русского народа. Владимиром Павловичем проделана тоже большая собирательская работа, она отняла много сил и энергии. И хотя труд краеведа географически охватывает меньшую территорию, чем у Даля, значение его работы выходит далеко за пределы интересов диалектологов и филологов Урала. Им тщательно изучены народные говоры. Труд неистового краеведа ценен для науки тем, что раздвигает границы понимания русского языка в его исторических связях со славянским языком.

В самом деле разные народы, проходя Урал в разное время, на протяжении многих веков оставляли здесь свои словесные сокровища, неизбежно пополняли его культуру. И рукопись «Словарь народного языка на Урале» В.П. Бирюкова представляет кладовую этих чудесных языковых сплавов».

Краевед впервые открыл для нашей литературы П.П. Бажова, который принял участие в сборнике **«Дореволюционный фольклор на Урале»** как собиратель рабочего фольклора. С тех пор горной вершиной поднялось имя Бажова, о нем заговорили сразу как о талантливом писателе вслед за Маминым-Сибиряком, заново открывшем богатство духовной культуры уральцев.

С этого времени началась дружба и переписка П. Бажова с уральским краеведом, за книгами которого ревниво следил и нетерпеливо ждал их появления автор знаменитой «Малахитовой шкатулки». Тема трогательной дружбы и глубокого взаимного уважения двух больших знатоков народного творчества на Урале особая тема. Здесь лишь хочется подчеркнуть, что эта дружба была творчески плодотворна и обогащала новыми материалами Бажова и Бирюкова.

Ярким подтверждением служит неопубликованное письмо Павла Петровича, адресованное С.С. Глебову – редактору курганской областной газеты.

«От одного из литпутешественников слышал, что у Вас издается книга В.П. Бирюкова «Фольклор Курганской области», – писал П. Бажов. – Работами Вл. Павл., как известно, широко интересуются. Не случайно, Ю.М. Соколов в своем фундаментальном труде так часто упоминает это имя, как не случайны и теплые отзывы председателя фольклорной секции ССП проф. И.Н. Розанова о работах Бирюкова. Нам же, уральцам, и независимо от этой оценки авторитетов фольклористики работы В.П. Бирюкова особенно близки. В частности, мне, как литератору, работающему на основе фольклора, каждая новая работа Бирюкова дает всегда что-нибудь новое. Естественно поэтому, что с нетерпением жду выхода в свет новых изданий нашего в сущности единственного на 4 области фольклориста. Вот и хотел бы узнать непосредственно от Вас, когда можно рассчитывать получить новую книгу, и одновременно прошу Вас о распоряжении выслать наложенным платежом два экземпляра этой книги по моему адресу...».

В последние годы у В.П. Бирюкова вышли две книги: **«Записки уральского краеведа»** и **«Уральская копилка»** – неотъемлемые страницы каждодневно творимой народом богатой истории родного края. Владимир Павлович приоткрыл только частично свою кладовую. Это незамысловатые и простые рассказы о знаменитых уральцах в прошлом и настоящем, имена которых с гордостью произносят все люди, о редких книгах, письмах и автографах, найденных рукописях.

Александр Геннадьевич Больных

Из интервью «Областной газете»

– Но влияние Бажова на ваше творчество действительно есть.

– Безусловно. Я заимствовал пару персонажей, попытался сделать тот шаг, на который по каким-то причинам не решился Бажов. У меня во многих рассказах есть персонажи мансийского фольклора и немного из немецкого. Было показано противостояние нашей и их нечистой силы. Поскольку действие происходит на Урале, то финал для немцев очевиден. Насколько получилось, судить читателям.

Больных Александр Геннадьевич – современный российский писатель-фантаст. Свой путь он начал с 1990-х. Его книга **«Руки вверх, мистер Гремлин»** относится к жанру технофэнтези и сочетает в себе магию и науку. Главный герой, ещё вчера пытавшийся изгнать нечисть, отправляется в звёздный порт, спасая военную операцию от провала. В отличие от научной фантастики, техногенное фэнтези не стремится объяснить природу мистического, оставляя существование этого мира в виде допущения «иррационального характера». Термин «технофэнтези» был введен в науку английским литературным критиком Джоном Ключом для обозначения ситуации, когда технологические достижения достаточно мирно соседствуют с проявлениями магии или же наука и магия могут легко трансформироваться друг в друга.

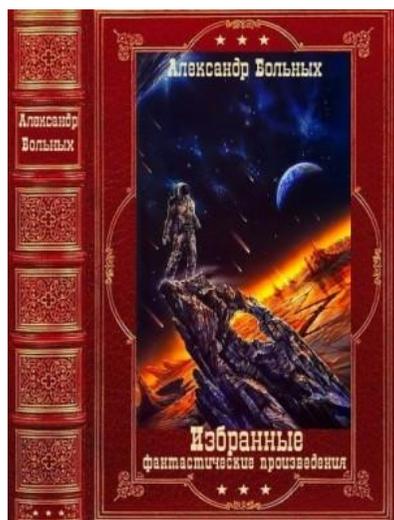
2016 г. Больных начинает публиковать в журнале «Веси» рассказы, посвященные истории мистического локуса Урала (цикл «Мистический Урал»).

В 2023 г. из печати вышел сборник **«Тайны старого Урала»**, включающий в себя 17 текстов, охватывающих огромный исторический период жизни Урал-камня, начиная от эпохи Иоанна Грозного («Золотая баба», «Тайны Московской компании») до эпохи Великой Отечественной войны («Холатчахл – гора смерти», «Сталь в крови, кровь в стали»).

Героем всех рассказов Больных является Урал, топос которого неизменно наполнен представлением о дикой природе, «поражавшей своей величавой красотой». Облик этого таинственного Урала хорошо передан через взгляд прусского барона фон Рейнке-Фухса: **«Да, горы, поросшие темным хвойным лесом были невысоки, но производили впечатление неодолимой уверенной мощи – ни свернуть, ни опрокинуть. Между горами темнели глубокие лога, от которых веяло непривычной европейцу колдовской силой. Голубое небо наливалось темной синью и делалось глубже, превращаясь в бездонный, затягивающий провал Вселенной».**

Внимание Больных сосредоточено на истории Урала, начиная с доисторических времен, когда судьба Урал-камня оказалась неразрывно связанной с машинной цивилизацией аримаспов, упоминаемых еще в «Истории» Геродота, но имеющих в «Тайнах старого Урала» инопланетное происхождение. Аримаспы, существовавшие на Земле еще в эпоху динозавров, впоследствии покинули ее, но сохранились механизмы их цивилизации, которые «умели приспосабливаться, так как обладали разумом».

Являясь продуктом техногенной цивилизации, автоматы оказываются тесно связанными с природной магией Урала, будь это магия вогульских шаманов или же элементы уральской мифологии П. П. Бажова, творчество которого, безусловно, оказало свое влияние на образный ряд А. Г. Больных.

В рассказе **«Невеста Полоза»** автоматы, с их черной кожей, остроконечной головой, глазом посередине лба, оказываются служителями Полоза, хранителя уральских золотых недр.

Из всех народов, населяющих Урал, взаимодействовать с представителями машинной цивилизации могут только вогулы (манси), шаманы которых сильны своим «черным колдовством», а в образе Великой матери-богини почитается богиня Йома-лы, великая Сорни Най, статуя которой известна под именем Югорского Золотого идола.

Первая большая тема – вогульская. В ряду других мифологических представителей вогульской земли, наделенных магической силой, в рассказе «Лунный кот» упоминаются зверь мув-хор, обитающий в лесу, и сорт-вэма, живущий в реке. Слово «мув-хор» переводится с угорского как «мамонт», хотя ханты называют этих зверей земляными оленями.

Что касается сорт-взма, то в рассказе «Золотая баба» он похож на чудовищного моржа, уничтожившего «Бона Эсперанца», корабль английской экспедиции, ищущей югорские богатства. Еще один важный персонаж мансийской мифологии Больных – людоеды-менквы.

По мнению известного советского этнографа Н.В. Лукиной, «менквы – это первые люди, неудачно созданные Нум-Торумом из лиственницы и убежавшие в лес, где, как считается, живут до сих пор».

Внешний облик менквов похож на облик людей, но у них, в отличие от людей, заостренная голова (голов может быть несколько), длинные ногти и железное тело.

Являясь людоедами, они воздействуют на своих противников при помощи звуков низкой частоты, парализуя их и вызывая состояние, близкое к панике.

Вогульская (мансийская) магия представлена в трех рассказах сборника и связана с тремя героями-протогонистами, использующими ее на благо Отечества. Последним рассказом «мансийского цикла» в сборнике является рассказ **«Сталь в крови, кровь в стали»**, местом действия которого становится танковое сражение на Курской дуге в 1943 г. Во время этого сражения происходит столкновение сразу двух магий: вогульской и тевтонской. Представителем первой оказывается экипаж самоходного орудия СУ-152 под командованием Вани Сидорова, которое было изготовлено на средства, собранные мансийцами, и передано Уральскому танковому корпусу. Во время передачи самоходной установки экипажу в Челябинске старик-шаман проводит с бойцами обряд в честь мансийского бога войны Хонт-Торума, чей зооморфный фетиш (коготь медведя Консыгойка) становится защитником экипажа против арийской магии «Ане-нербе» (ее символы – две серебряные руны: «Тир», символ бога войны, грома и плодородия Тира, и «Тигерзангель» – оберег, защищающий владельца от происков темных сил и дающий власть над оборотнями). Именно эти руны, омытые арийской кровью, могут вызывать дух огромного серо-черного тигра, который является зооморфным фетишем самого знаменитого немецкого танка Второй мировой войны – «тигра» под командованием лейтенанта Лауберта.

При этом противостояние тигра и медведя на курских полях получает обратную проекцию на нордическую сагу, где «Медведь и тигр сошлись на поле Хвелл, / И закипел смертельный, ярый бой». Нетрудно догадаться, что победителем в этой схватке оказался уральский (вогульский) медведь.

Вторая большая тема «Тайн старого Урала» связана с творчеством П.П. Бажова, сказовые образы которого несколько раз упоминаются в рассказах цикла. Так, рассказ «**Лунный кот**» начинается с вступления: **«Седой Урал знает множество загадочных историй, да только не всем их рассказывает <...> Вот и гадайте, встречал ли кто Золотого Полоза, помогла ли кому Голубая змейка, действительно ли так грозна Медной горы Хозяйка».**

В рассказе «**Изумрудная шпага**» прусский барон фон Рейнеке-Фукс, отправившийся в Россию за изумрудами для шпаги прусского короля Фридриха Вильгельма IV, вспоминает рассказы русских, что **«...в малахитовых да изумрудных шахтах живет каменная дева, холодная, как лед. Зачаровывает каждого встречного, и тот сам, добровольно идет следом за ней в глубь горы работать на хозяйку до Страшного суда».**

В рассказе «**Стальные бриллианты**» Павел Демидов, наследник империи Демидовых, приехав на Урал, узнает от управителя, что **«старые, замшелые горы Урала много тайн скрывают <...> Грозная Хозяйка подземные кладовые свои стережет, и если рассердить ее, то руда вглубь уйдет, никак не достать будет».** До встречи с Великим Полозом Демидов «никогда не верил... в бабкины сказки про Хозяйку, Огневушку, Великого Полоза.

Центральное место среди «бажовских» персонажей в мифопоэтике Больных занимает Полоз, который **«...всему уральскому золоту хозяин, и не только золоту. Рудам железным и прочим тако же».** Его внешний облик на первый взгляд достаточно традиционен и выдержан в духе бажовских сказов. Чаще всего он показывается людям в облике высокого крепкого рыжеволосого мужчины в темно-красном камзоле, расшитом золотом, узор которого составляют расположенные в два ряда змеи. У Полоза зеленые глаза и вертикальные «матово-черные, бездонные» зрачки. Подобно бажовскому герою, Полоз «выступает как некая действенная субстанция, не только обладающая знанием сущности человека, но и регламентирующая его этическое поведение» [Блажес]. Особенно очевидно это становится в рассказе «Невеста Полоза», в котором Семен и Маша выдерживают испытание Полоза и заявляют: **«Не нужны нам твои богатства <...> Лучше выведи нас наверх, и пойдём мы. А каменья и золото оставь себе, ты им хозяин, твои они».**

Но есть один момент, который принципиально отличает Полоза А. Больных от бажовского Великого Полоза. В интервью, данном Больных Н. Аксенову, писатель признавался, что Полоз – это машина-командир, которая миллионы лет ждала своего часа, **«...в своей памяти терпеливо хранила сведения о недрах земных, о материалах, о технологиях. Нужен был лишь тот, кому снова потребуется ее служба, ее работа».**

Машина-командир в лице Полоза ценит прежде всего людей дела, именно поэтому она вступает в контакт с теми, кто на Урале может это Дело делать. Речь идет о таких исторических деятелях Урала, как Акинфий Демидов и Василий Татищев. Не случайно большая часть рассказов Больных относится ко времени становления и развития уральской «горнозаводской цивилизации», эпохе существования могущественной империи Демидовых.

Именно Полоз помогает Акинфию Демидову и Василию Татищеву хранить и приумножать славу и богатство Урала. Уважительное отношение к историческим деятелям Урала было характерно и для П.П. Бажова. В письме к поэту А.А. Суркову Бажов писал об Акинфии Демидове: **«Как прикинешь, что сделал этот человек за 43 года своей жизни на Урале, без телефона, без машинистки, без почты и железных дорог».**

*У Больных подлинная слава Урал-камня связана, прежде всего, с «рудной горкой» Акинфия Демидова, олицетворяющей собой историю открытия медных и железных руд Урала. Изготовленная из меди, с мастером рудокопом наверху и мастером-плавильщиком внутри, горка получает в дар от Полоза Саламандру – духа огня, которая и зажигает внутри игрушечного горна огонь, символизирующий процветание империи Демидовых. Полоз предсказывает уральскому промышленнику: **«Пока горит этот огонь, будет гореть и огонь в твоих домнах <...> Но если погаснет огонь в твоей рудной горке, то все обратится вспять. Ты будешь терять и заводы, и шахты».***

Больных создает свою авторскую мифологию. Из трех камней, которые занимали важнейшее место в сказовом творчестве П.П. Бажова, – малахита, хризолита, изумруда [Приказчикова], Больных большее внимание уделяет изумруду, повествование о магической силе которого, позволяющей ставить его «гораздо выше бриллиантов», можно найти сразу в трех рассказах – **«Изумрудная шпага», «Тайна шести попугаев», «Лунный кот».**

В рассказе «Изумрудная шпага» представлен конфликт между уральским мастером, творящим по вдохновению, как Иванко Крылатко у П.П. Бажова, и европейским мастером, предпочитающим работать по правилам и канону. Сюжет рассказа связан с желанием прусского короля Фридриха Вильгельма IV иметь шпагу, рукоять которой была бы украшена лучшими уральскими (сибирскими) изумрудами, чтобы «восстановить былое величие семьи Гогенцоллернов».

Мастерство русского гранильщика вызывает искреннее удивление его европейского оппонента, голландского мастера ван Бееркема, так как «этот русский мужик сумел сделать то, до чего его семейство не могло додуматься триста лет».

Помимо изумруда еще один камень привлекает внимание Больных в рассказе **«Кошачье золото»**. Речь идет об авантюрине (златоискре), который связан с еще одним персонажем авторской мифологии писателя – Лесным котом (рысью), олицетворяющим собой подлинную душу уральского леса. Лесной кот с глазами цвета зеленого авантюрина находится в сложных отношениях с Полозом, так как не видит в золоте большого проку, в то время как «людишки за желтый металл убивать готовы, вот и получается, что Полоз опять же сила зла, кровь и ненависть сеет».

Лесной кот по-своему наказывает людей за жадность и алчность. Он подбрасывает им вместо настоящего золота продукты своей жизнедеятельности в виде сверкающих желтых камней, пирита, «кошачьего золота».

Именно этим «золотом» дух уральского леса наградил алчного Прошку, решившего убить своих товарищей и присвоить их золото, – он сделал целых 3 шага по «старательской» дороге, ведущей в никуда. Финал рассказа немного напоминает бажовские «Сочневы камешки», где подмене подверглись изумруды. Но если наказанием Ваньке Сочню было жестокое избиение от барина, то Прошка, принесший саксонцу-гиттенфервальтеру пирит вместо настоящего золота, сам сходит с ума от злости и отчаяния.

Подводя итог, можно сказать, что сборник Александра Больных «Тайны старого Урала» позволяет познакомиться с оригинальным вариантом уральского фэнтези. Первой его отличительной чертой является то, что уральское фэнтези испытывает сильное влияние со стороны технофэнтези (пример – машинная инопланетная цивилизация аримаспов), и в то же время оно оказывается неразрывно связанным с «уральской мифологией» П.П. Бажова, выступающей в данном случае в качестве регионального архетипа российского фэнтези-текста.

Авторская мифология Александра Больных развивает традиции бажовских сказов (например, восприятие уральского изумруда) и переосмысляет их, вводя авторские образы Лесного кота и Лунного кота, Саламандры (рассказ «Рудная горка А. Демидова»).

Серафима Константиновна Власова

Власова Серафима Константиновна – писательница, автор уральских сказов, популярных среди читателей всех возрастов прошлого века, продолжательница дела Павла Бажова. Долгое время Власова жила на родине Бажова – в Сысерти. С 1928 г. писала историю Сысертского завода. Как и Бажов, она интересовалась местными сказаниями, поверьями, легендами, пословицами и поговорками. Как и Бажов, интересовалась местными сказаниями, поверьями, легендами, пословицами и поговорками. Как она любила говорить: **«не столько записывала, сколько в сердце укладывала».**

Урал она очень любила в своих сказах она пишет про озера Увильды и Акакуль, Башкуль и Сабанево, Зюраткуль и Тургояк, Инышко и Ильменское и города Пласт, Коркино, Златоуст, Куса и Кыштым. Ее произведения подкупали яркостью языка, связью с историей, людьми края. Их появление было событием в литературной жизни.

Писать Серафима Константиновна начала поздно, на шестом десятке, когда вышла на пенсию. Она признавалась: **«Чтобы писать сказы, надо хорошо знать народ, его поэзию, безгранично любить свой край».** Она сама хорошо знала и любила Урал, его историю, народное творчество уральцев. Много ездила по области, собирала русские, татарские и башкирские народные легенды и сказания. Ее сказы: «Клинок Уреньги», «Брошечка», «Глядень-гора», «Улин камень», «Золотое слово», «Сказ о Косотур-горе» – написаны

на основе златоустовских преданий. Почти все они печатались в «Златоустовском рабочем». Несколько сказов она посвятила Кыштыму и его окрестностям. Неслучайно был издан сборник сказов о Кыштыме Юрия Гребенькова и Серафимы Власовой «Золотыми тропами легенд» (книга вышла в 1997 г., к 240-летию города).

Она писала о себе: **«Работая много лет на Урале, а главное, слушая рассказы старых горщиков, лесорубов и рабочих, я прониклась глубоким интересом к старинным легендам и сказам, бытующим среди горнозаводского населения Южного Урала» («Сугомакская легенда»).**

Первый сказ Власовой – **«Афанасий Кичигин»** – опубликован в 1954 г. в альманахе «Южный Урал», первый сборник «Уральские сказы» вышел в 1958 г. Очень популярными среди южноуральцев стали сборники **«Голубая жемчужина», «Поют камни», «Клинок Уреньги».**

В сказах Серафимы Константиновны отражалась история, география Южного Урала. Читателя подкупало то, что он встречал в них знакомые и родные названия уральских гор, озер: Сугомак, Егоза, Иремель, Зюраткуль, Увильды, Тургояк, Акакуль... Они не просто упоминались, об их происхождении рассказывались легенды. В ее сказах – города Златоуст, Кыштым, Куса, Коркино, Пласт... Она писала и о событиях давно минувших дней, и о делах своих современников.

Главный герой ее сказов – мастер своего дела или богатырь (кузнец Илья, сказитель Тимофей Крапива, богатырь Кадыр), но образы хозяев практически отсутствуют: только Дженибек, мурза, и Готлиб Штамм, и то последний не хозяин, а инженер, который хотел узнать секрет златоустовской стали. Образы хозяев даны обобщенно, как угнетателей простых людей: **«Много ли мало, а целых три года пробыли господа в загранице. Воротились на Урал, видать, совсем без денег. Порастрясли их по чужим краям. Принялись пуще прежнего притеснять работных. Надо было ведь наверстать потерянное»** («Золотое слово»). Это соответствовало традиции советской литературы.

Тема трудового мастерства уральских умельцев: горщиков, гранильщиков, литейщиков, кузнецов – главная у Власовой. Стоит прочитать начало сказа **«Чугунная цепочка»**: **«Про наше каслинское литье да про мастеров его давным-давно слава по свету гуляет. И тем эти мастера славы добились, что своей горячей кровинкой сумели чугун оживить...»**, чтобы понять, как оценивал автор мастерство наших земляков.

Герои С. Власовой наделены высокими нравственными качествами: чести, достоинства, верности, доброты. В «Сказании о Вахрушкином счастье» ясно выражена мысль: нельзя быть счастливым, когда другие несчастны.

Ее сказы помогают понять историю Южного Урала, жизнь рабочих, условия работы, взаимоотношения с хозяевами заводов и фабрик, причины революции.

- **«Сказы Власовой – это живая история горнозаводского Урала, воссозданная в художественных образах» (В. Михнюкевич).**
- **«В ее сказах органично переплетаются сказовые элементы с реалистическим описанием действительности, с подлинными фактами, взятыми из жизни, звучащими современно и не утрачивающими глубокого реального смысла» (А. Шмаков).**

В сборники **«Герцогиня Акуля»** и **«Клинок Уреньги»** Власова впервые поместила не только сказы, но и были, в которых отразились подлинные исторические события: переселенный Урал («Тютнярская старина»), Пугачевский клад»).

В сказе **«Герцогиня Акуля»** Власова рассказной беседки (знаменитого Каслинского павильона на выставке в Париже в 1901 г.). Во многих сказах о реальных человеческих судьбах. мастер Михаил Торокин («Васяткин сапожник»), челябинский радуга»), канашские ковровщицы («Золотая («Анискин камень»)... С. Власовой удалось верно своему делу, золотые руки мастера («Андрей Лобачев») говорит: **«Ничего не ня дойду...».**

*Язык сказов образный, яркий, в них много народных пословиц и поговорок: «Золото моем, а голосом воем», «У него под носом-то взойшло, а в голове не посеяно», «Лучше петь на веточке, чем в золотой клеточке», «Весело валит с неба град, да никто ему не рад», «Первый кусок повару, последний – коту»... Неслучайно знаток сказов Власовой челябинский писатель А.А. Шмаков называл ее «кудесницей слова». А сама она пишет: **«Слово к слову, как камень к камешку на богатом уборе, собрала я сказ об Урале».** («Сказ об Урале»).*

зывает историю создания кружевной чугульона, который получил золотую медаль на зах и былях Серафима Константиновна по Героями ее произведений стали каслинский жок») – дядя Василия Торокина – героя сказа рудознатец Василий Козырин («Каменная шерстинка»), карабашские старатели показать настоящие рабочие характеры, ровых. Недаром горщик Андрей Лобачев **пожалую, душу заложу, а до доброго кам-**

В сказах Серафимы Константиновны говорится о дружбе народов разных национальностей, много веков населяющих наш край, о давней совместной борьбе народов против угнетателей. Есть сказы, написанные по мотивам башкирских легенд: **«Клинок Уреньги», «Агидель», «Габиевка», «Зузелка», «Песни Сабаная».**

Погружаясь в ее сказы, узнаешь, что Урал и Уралга – это прекрасная пара влюбленных, разлученная навсегда шайтаном. Вчитываясь в строки. Находишь, что население Южного Урала. Не только славяне, но и тюркские народы. Многие слова и обычаи тюрков описаны в ее сказках.

Лучшими сказами критики признавали «Пушок и Душок» («Дело было осенью, как говорят, земля скучать начала, снега просила...»), «Марьин корень», «Ильинский косогор», «Афанасий Кичигин», «Камни поют».

Характеристику сказительницы-рассказчицы дал челябинский литературовед, фольклорист Александр Лазарев:

«С.К. Власова представляет собою тип писателя, для которого литературный сказ стал наиболее естественной и органичной формой творчества. Много лет проживя на Урале, она всем своим существом усвоила местные устно-поэтические традиции.

Индивидуальные особенности Власовой как замечательной рассказчицы обусловили характер ее творчества».

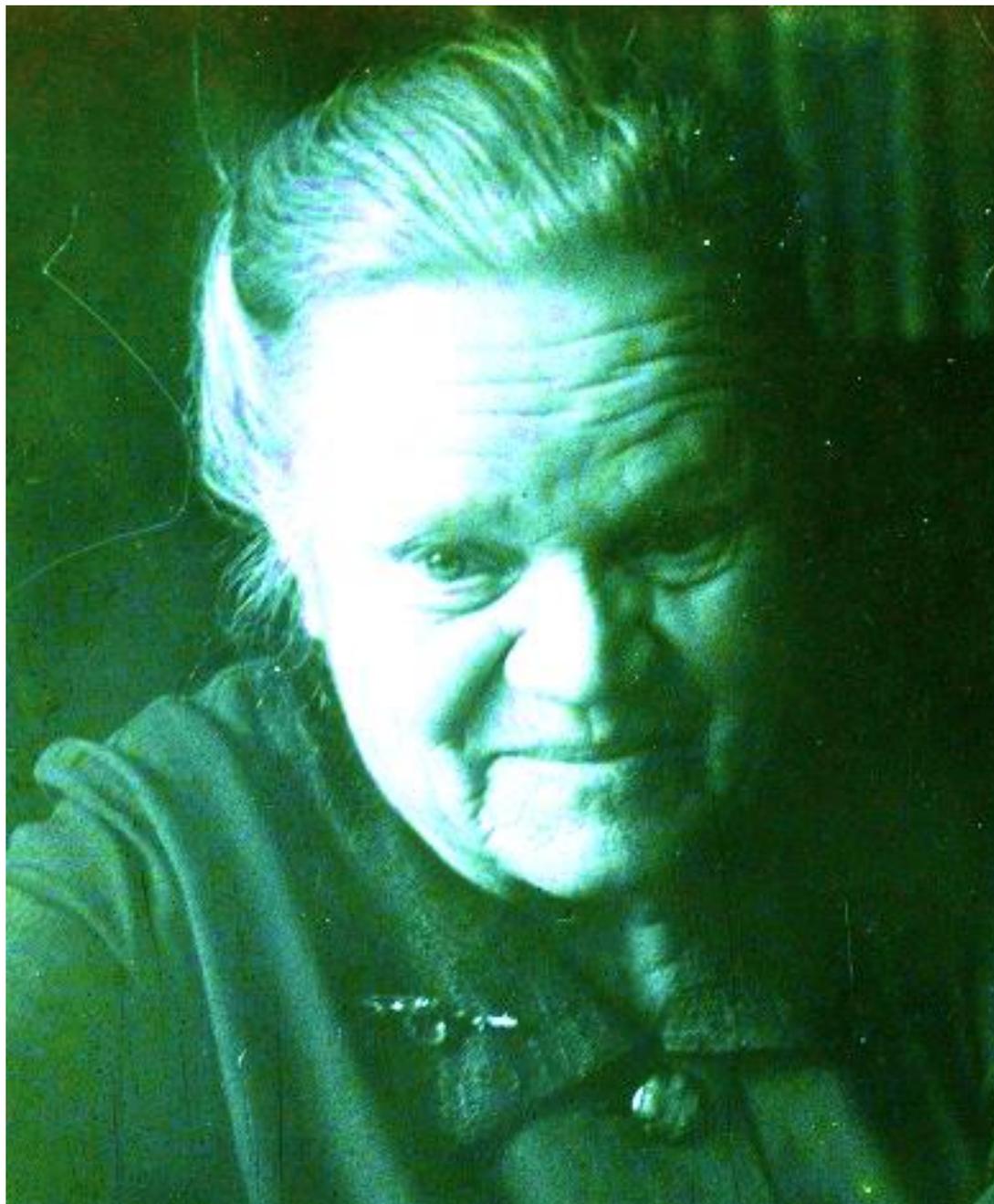
Литературовед и прозаик А.А. Шмаков сказал о её творчестве:

«Сказы С. К. Власовой доподлинно народны. И народность их – в глубине и яркости изображения труда – мерилла жизни народа, в ясном и светлом понимании своего назначения, как подлинном хозяине на земле, создающем все её ценности и красоту. Интересна и многообразна тематика сказов, широк временной и географический охват действительности – от легендарных времён происхождения Уральских гор до наших дней, от холодных вод Ледовитого океана до знойных песков Каракумов. Все сказы объединяет одна мысль – прекрасен человек труда, созидатель всех материальных и духовных ценностей на Земле. “Сказ об Урале” в ярких символических образах показывает, как в труде зарождается прекрасное чувство коллективизма, способное победить всё на своем пути, привести к единению и солидарности».

Кудесница слова

Она пишет сказ по народной легенде, «будто в кружева из самоцветов одевает». И когда «эти кружева плетет, то самым дорогим словом украшает».

*Хотелось бы обратить особое внимание на её сказ «**Золотое слово**» – о чудодейственной силе искусства слова. И героем его является не богатырь, не умелец, а совершенно неказистый с виду мужичишко Тимофей Крапивин, который «сказы плёл» и словом своим, будто «крапивой обжигал». Не одного человека искусством своим он на правильную дорогу вывел. «Вот и выходит, – венчает свой сказ Серафима Константиновна, – руки мастера булат куют, а слово золотое – человека человеком делает». Слово – как ограненный самоцвет. Сколько граней – столько лучистых сверканий, переливов красок. Найти их дано умельцу-гранильщику, чувствующему душу самоцвета, как живую. Таким умельцем-гранильщиком и была Серафима Константиновна. Писательница знала волшебство слова, она училась ему у народа, внимательно вслушиваясь в разговорную, неторопливую речь уральцев. Тот, кто читает её книги, прежде всего, воспринимает красоту ее слова, мелодию фразы, а потом в кружевном словесном плетении видит чудесный рисунок. Читаешь её сказы, и будто дышишь ароматами лесов и пахучих трав уральских гор и степей, слышишь журчание родников, прибой озерной волны».*

Юрий Киприянович Гребеньков

«С ручейка речка начинается. Со слова людского – сказ». Ю. Гребеньков

Ю.К. Гребеньков был руководителем литературного объединения «Агат». С рассказами о поэзии и поэтах приходил в разные читательские аудитории. Юрий Киприянович любил читать стихи: в памяти земляков сохранились его выступления. Стихи членов литературного объединения печатались почти в каждом номере городской газеты. В 1974 г. в «Кыштымском рабочем» велась постоянная литературная страница «Каменные берега». Здесь опубликован целый цикл стихов Ю. К. Гребенькова. В его поэтическом творчестве прослеживаются темы о войне, труде, любви, природе, кыштымских местах.

Кыштымка

***Сверкая синевой металла,
Не замерзая круглый год,
Рожденная в горах Урала,
Река, как жизнь моя течёт.
С негромким именем «Кыштымка»
Течёт сквозь древние хребты.
А я её волны – кувшинка
И капелька её воды.***

Для поэта «священна жизнь земного леса, как человеческая жизнь. Он горевал о каждом загубленном деревце, о пересохшем ручье или обмелевшем озере: «... ***Не вмещается боль в кулаки, а на сердце тревожно и пусто. Будто шкура змеи – от реки Серый след пересохшего русла***» («Боль»).

Первые сказы Ю. Гребенькова появились на страницах газеты «Кыштымский рабочий», где он придумал и вел рубрику «Золотыми тропами легенд». Юрий Киприянович во вступительном слове писал: ***«Если архитектурные памятники можно спасти, реставрируя их, то легенду, раскрывающую подлинность названия, можно безвозвратно потерять. Вряд ли сейчас найдутся старожилы, что смогли бы объяснить корни названия «Барзовочные горы», отдельные их различия или знаки равенства. Надо беречь редкую достопримечательность родных мест – историческую легенду, быль или исторически сложившееся название».***

В 1980 г. вышла книга «Тайна горы Сугомак». В сборнике 12 сказов: «Нечаянный клад», «Тайна горы Сугомак», «Диковенные лапти», «Лосиные рога», «Иртышская легенда», «Мраморные грузди», «Моховушка», «Чугунное семечко», «Ужот и Змеят», «Самараткино сватовство», «Пламенное слово», «Слюдяное окошко».

Юрий Гребеньков рассказывал, что был участником фольклорной экспедиции и сумел разжиться богатым материалом.

Сказы Гребенькова написаны колоритным, образным языком простой разговорной речи. Давно из обихода ушли многие слова и выражения, такие как «за ягодкой сбосоножила», «дороговатенько», «ленковат», но смысл таких выражений в сказах близок и понятен.

Повествование сказов освежают пословицы и поговорки:

- «Лежачий камень мхом обрастает»,
- «На земле сухорос, день к ненастью прирос».

Это говорит об отношении самого автора к исконно русскому языку, скрупулёзно собиравшего обиходные выражения. К сборнику сказов «Тайна горы Сугомак» автор составил маленький словарик, толкующий некоторые слова. Первый опубликованный сказ и дал название первому сборнику, выпущенному в 1980 г. Южно-Уральским книжным издательством (Челябинск). Позже эта книга была представлена на книжной ярмарке в Мюнхене и получила высокую оценку.

Челябинский литературовед В.А. Михнюкевич писал: **«Судьба Ю.К. Гребенькова типична для писателей, сказ для которых стал главным жанром: это уже зрелый человек, всю жизнь проживший на Южном Урале, рабочий. Атмосфера народных преданий, легенд, поверий была естественной для обычной бытовой среды писателя. ... На примере работы Гребенькова над сказами мы убеждаемся еще раз, что идет активный процесс закрепления “памяти жанра”, и появления нового имени среди интересных авторов уральских сказов не может не радовать».**

Удивительно переплелись в его сказах реальные картины быта кыштымских и каслинских мастеров и фантазия автора. Много слышал будущий сказитель от деда Петра Кириллова, о чем позднее написал в своем стихотворении:

**...Светлая ниточка сказа,
Тянется в глубь веков
Мудрая дедова фраза.**

*Первые сказы он услышал от своего
деда Петра Степановича Кириллова. В
стихотворении «Мудрая дедова фраза»
Юрий Киприянович рассказывает:*

В центре елани сосновой

В тихие те вечера

Хворостом дед мой снова

Пламя кормил костра.

Отсветы, словно крылья,

Тьму отгоняли прочь

Тихой рекой чернильной

Плавно струилась ночь.

Слушали сосны и гати

Сочную дедову речь.

Сказ про степановы лапти,

Те, что нельзя прожечь

Вьется крутых берегов

Светлая ниточка сказа

Тянется вглубь веков

Мудрая дедова фраза.

М.П. Аношкин написал рецензию после выхода в свет книги сказов «Тайна горы Сугомак», где заметил:

«Чтобы самоцветный камень заблестел во всей своей красоте, к нему должны прикоснуться искусные руки гранильщика... Сказы на горнозаводском Урале создавались изустно века».

Аношкин поставил сказителя Ю.К. Гребенькова в едином строю с П.П. Бажовым, С.К. Власовой и подписался под словами автора послесловия к книге кандидата филологических наук В. Михнюкевича **«Сказ об Урале продолжается».**

Поэтический талант Юрия Гребенькова позволил ему находить самоцветные россыпи слов для описания уральской природы в сказах:

«Сугомакская пещера»

«У подножия Сугомака мраморная горка возвышалась. Снежным, не тающим сугробом каменная белизна той горки светилась. От горки свет лучами на четыре стороны разбегался, лучи мраморный известняк образовывали...».

«Слюдяное окошко»

«Вот он, Говорливый ключ. Гляди в него, и не ключ это вовсе, а слюдяное окошко. Наклонись над говорливым ключом и всю подземную красоту увидишь. Белыми шнурками кварцевые жилы прошли. Жёлтыми нитками их золото расшило. Зелёным, травяным цветом медные руды отливают. Самоцветы с самородками гранитную породу опоясали. Бурыми пятнами железная руда лежит. В глинах металл никель есть...».

«Гальяновы золотинки»

«Весна на Урале теплом задыхалась. Снежные пуховики смялись. Ручьи и речки оживились. Из дальних стран в родные места птицы потянулись. Гланина речка от зимней немоты освободилась. По радостному защебетала. Свежей зеленью лиственницы запушились. Любимым же местом у Глани, где она шитьём занималась, кварцевый камень был. Сядет Глания на кварцевый камень и рукоделием тешится. А речка течёт, куда – то торопится. Бьётся студёной водой о камни. Звонит пенной волной, как будто летящие дни пересчитывает».

Сказы Гребенькова отличаются задушевностью и лиризмом. Юрий Гребеньков как-то признался: **«Моя любовь к природе, а может, и к поэзии горнозаводского Урала, началась с той минуты, когда дед впервые привел меня на гору Сугомак, с которой я увидел красивейшие кыштымско-каслинские озера и темно-синие сосновые леса, а за лесами то ли туман, то ли дымки от заводских труб».**

Сказ – не откровенный вымысел. События происходят не в «тридевятом царстве, тридесятом государстве», а в определенном месте – на уральских заводах, и в определенное время – когда в России было крепостное право. В сказе «Чугунное семечко» упоминается о восстании мастеровых на Кыштымских заводах. И действительно, было здесь восстание мастеровых в 20-х годах XIX века, вызванное бесчеловечным обращением с ними управляющего Зотова. Тогда восставшие во главе с рабочим Климентом Косолаповым выгнали всех управителей и приказчиков и более двух месяцев сами управляли заводами. Царское правительство жестоко подавило восстание.

В сказе «Иртяшская легенда» мы читаем о мастере колесного дела Тарасе Санникове. Пастух Афоня Достань Яблочко даже в своем, казалось бы, простом деле достиг совершенства: **«Люблю я дело свое. А значит и счастлив. Нашел я в жизни нечаянный клад».**

Радость творческого труда делает героев Ю. Гребенькова людьми духовно богатыми. Поэтому-то они любят и тонко чувствуют природу Урала, как любит родные места сам автор:

«Наши кыштымские да каслинские места редкостные. От других наособицу. Камнем подбиты. Облаками прикрыты. Людьюми потревожены да озерами огорожены. А из всей озерной изгороди наших мест иртяшское прясло самое длинное. Возле Каслей вскипают иртяшские волны и бегут до травакульских берегов. Хорошо на иртяшском берегу смотреть на дали уральские. Любоваться горами синими, еланями земляничными. И слушать говор волн».

Юрия Гребенькова по праву считают продолжателем дела П.П. Бажова. В его сказах также присутствуют сказочные существа: Огневица в одноименном сказе, Сугомак – хранитель уральского богатства, они исполняют роль справедливого судьи, который воздает по заслугам каждому. Образ рассказчика присутствует в каждом сказе, он не назван по имени и не является непосредственным участником событий, но обозначает себя, рассказывает о происходящем как человек своего круга, знакомый с бытом горняков.

В 2010 году челябинское издательство «Аркаим» выпустило сборник «Мастера изумрудного края». Уральские сказы и легенды о сокровищах, скрытых в горах, и о тайных силах, оберегающих эти сокровища от людей жадных и глупых. А к честным да работающим сама Медной горы Хозяйка и Великий Полоз бывают добры.

В книге присутствуют сказы Павла Бажова и Евгения Пермяка, а также сказители Южного Урала: Юрий Гребеньков, Светлана Вдовина и другие авторы сборника пишут о мастерах, для которых *«предельная сосредоточенность на ремесле становится <...> ключом к тайнам земли и неба»*, о тех *«чья жизнь обрела смысл и завершённость через прикосновение к <...> нетленной Тайне Уральских гор»*.

«Каменный цветок»

*Льётся зорь рубиновый поток над Уралом сказовым и древнем.
Сыпал искры каменный цветок, стон летел по каменным деревьям.
Открывалась Медная гора, изумрудным полыхнув обвалом.
Под землёй трудились Мастера, волшебством владея небывалым.
Вырубали дивные цветы из рулонов каменного шёлка.
Женица редчайшей красоты в той горе командовала с толком.
Заплетала в пышную косу друзы хрусталя и камни – самоцветы.
В медном, малахитовом лесу круглый год отстаивалось лето.*

Ю. Гребеньков

Нина Георгиевна Кондратковская

Муза Магнитки жива до сих пор, и, конечно, не единственной строчкой, а одним большим поэтическим эпосом. Кондратковская отмечала: **«Чем бережнее мы храним память о прошлом, чем зорче вглядываемся в сегодняшний день, тем полнокровнее и ярче становится наша собственная жизнь».**

**Ветер сказывал сказы
Про вас и про нас.
Ему вторили скалы
Над речкой Миасс.
А та речка
Ухватистой горною силой
Золотинками слово
Наверх выносила.**

Родилась Нина Кондратковская на Полтавщине, а затем ее семья переехала в Курган. Трудовая биография писательницы и педагога Нины Георгиевны Кондратковской начиналась с чудовищных трудностей. С двухфунтового пайка пшена в месяц, постоянного недосыпания и работы до седьмого пота. Начиналась с недетских переживаний, когда ей, едва ли не единственному грамотному человеку на всю округу, приходилось не только заниматься просвещением, но и вести протоколы раскулачивания крестьян, составлять описи изъятых вещей и провожать в неизвестность обозы с обездоленными взрослыми и детьми. В 1934 году по приглашению своего друга – талантливого поэта Бориса Ручьева, она переехала на Южный Урал и увидела Магнитострой своими глазами и поняла, что уже никуда не уедет отсюда. Жили в бараках трудно, но дружно. На Магнитострое в начале 30-х началось активное литературное движение.

Молодость, влюбленность, пафос созидания – вот что значило то счастливое время для первых поэтов Магнитогорска. Б. Ручьев очень искренне написал в те годы: **«...бывает – просто молодость почувешь, да и запоешь»...**

Магнитогорский характер

Где есть такой город, который с теплотой называют по-родственному – Магнитка? Легендарная Магнитка. Неважно, кто первый так сказал или написал. Сочетание стало привычным, как постоянный эпитет о народной песне и сказе. Большие, прекрасные города тоже творили легендарные дела, особенно в годы Великой Отечественной войны. И все-таки «легендарный» Челябинск, Свердловск, Тюмень или ровесник Магнитки Комсомольск-на-Амуре – «не звучат». Это словосочетание как имя Магнитки стало народным, вошло точно в речь народа, в его словарь.

То же самое можно сказать и о понятии «магнитогорский характер»...

Особо важная в наши дни черта магнитогорского характера – чувство многонациональной общности. Оно естественно. Ведь Магнитку строили русские, украинцы, татары, башкиры, евреи, мордвинцы, чувашки. По первым данным 30-х годов – сорок шесть национальностей и народностей, а по данным последней переписи их – шестьдесят девять. И всегда были взаимопомощь, взаимное уважение, родственные связи. И людей не интересовало, кто есть кто по роду-племени: о человеке судили по его личным качествам и по труду.

Среди писателей Челябинской области можно назвать несколько продолжателей автора уральских сказов Павла Бажова, но только Нина Кондратовская писала легенды и сказы в стихах. Особенно ценны ее книги для детей – «Синий камень» и «Сердце-озеро», которые знакомят с легендами, сказами, преданиями Южного Урала.

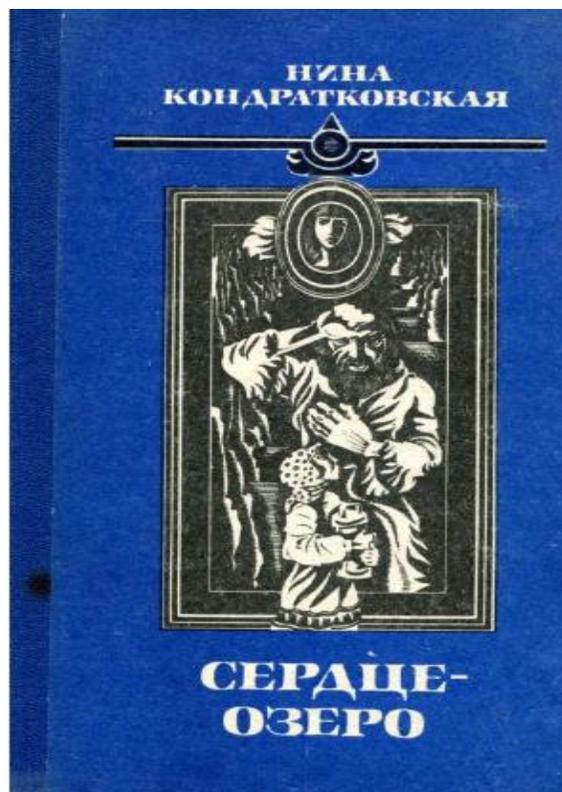
Нина Георгиевна глубоко изучила историю края, соседней Башкирии, устное народное творчество Урала, природу, уральские камни (у нее была хорошая коллекция камней). Во многих ее сказах легко узнаются места в Челябинской области: «Синий камень» (скала у села Кизильского), «Сказ о горе Башмак» (каменный «каблук» недалеко от Магнитогорска), «Камень Шайтан» (утес на берегу озера Иткуль)... В каждом сказе своя тайна и большая любовь к южноуральской земле. Знания, любовь к Уралу и его людям отразились в ее поэтических легендах: «Тайна Абзаковской лиственницы», «Тайсара – желтый жеребенок», «Теплый ключ».

Нина Георгиевна серьезно и требовательно относилась к языку своих произведений, к каждому слову. Кроме того, она была удивительным рассказчиком. Ребята, слушавшие ее в школах, библиотеках, пионерских лагерях, запомнили эти встречи на всю жизнь.

Из предисловия Нины Георгиевны к сборнику «Сердце-озеро»:

«Эта книга о самом дорогом – о родной земле, прекраснейшем крае России – Южном Урале. Содержание сказов, легенд, поэм, стихотворений навеяно его героическим прошлым, ратными и трудовыми подвигами наших современников. Знаете ли вы свой отчий край? Какие в ваших местах происходили события в далекие и близкие годы? О чем говорят названия вашей речки, деревни, рощи? Знаете ли вы местные памятники истории, природы, культуры, сохранившиеся о них предания? Работа, нелегкая, но радостная, с юных лет породила меня с Уралом, и я искренне хочу передать свою любовь к нему, к его людям. Ведь чем бережнее мы храним память о прошлом, чем зорче вглядываемся в сегодняшний день, тем полнокровие и ярче становится наша собственная жизнь».

Книга «Сердце-озеро» издана в 1984 году. В сборнике «Сердце-озеро» собраны все поэтические легенды и лучшие стихотворения Нины Кондратовской. В основу произведений (сказы, легенды, поэмы, сказки) легли поэтические предания, бытующие на Южном Урале. Интерес поэтессы к фольклору вызван горячей, патриотической любовью к родному уральскому краю, его истории, природе. Валентина Сименог (педагог, работник культуры и друг поэтессы) вспоминает: **«Много лет Нина Георгиевна собирала материал для своих чудных легенд о Башкирии и Урале. Я видела исписанные страницы, которые она постоянно перебирала, переписывала. Она встречалась с самыми разными людьми, слушала их рассказы, ловила незнакомые словечки, из которых потом в конце книги был составлен краткий словарь. В этом маленьком справочном пособии встречаются такие диковинные слова, как бучило (яма с водой), монча (баня), останец (утес) и другие. Эти специфические слова придают ее легендам неповторимый колорит, который приближает читателей к эпохе, событиям, людям».**

ОТ АВТОРА

Эта книга о самом дорогом – о родной земле, прекраснейшем крае России – Южном Урале. Содержание сказов, легенд, поэм, стихотворений навеяно его героическим прошлым, ратными и трудовыми подвигами наших современников.

Знаете ли вы свой отчий край? Какие в ваших местах происходили события в далекие и близкие годы? О чем говорят названия вашей речки, деревни, рожи? Знаете ли вы местные памятники истории, природы, культуры, сохранившиеся о них предания?

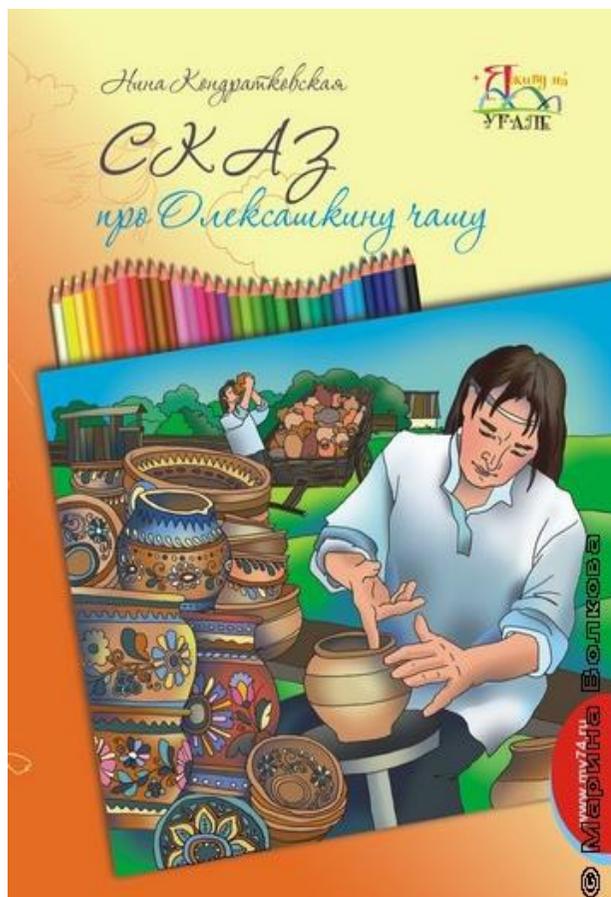
Работа, нелегкая, но радостная, с юных лет породнила меня с Уралом, и я искренне хочу передать свою любовь к нему, к его людям. Ведь чем бережнее мы храним память о прошлом, чем зорче вглядываемся в сегодняшний день, тем полнокровнее и ярче становится наша собственная жизнь.

Сборник открывает **«СКАЗ ПРО ОЛЕКСАШКИНУ ЧАШУ»**. Все, что именуется словом «сказ», на Урале еще долго будет сравниваться с бажовской «Малахитовой шкатулкой». И столь же неизбежна в любых уральских сказах тема творчества и мастерства. Однако героем своего «Сказа про Олексашкину чашу» Кондратковская выбрала не каменных дел или чугунного литья мастера, а гончара.

*...Глина белая, бывало,
Из его веселых рук
Лебедицей выплывала,
Очертя гончарный круг.
И добротна, и красива,
Колокольчата на звон:
Что ни чашка – то спасибо,
Что ни блюдо – то поклон...*

Гончара Олексашку привозят в столицу, помещают рядом с царским дворцом и требуют сотворить чашу, которая должна быть позатейливей и покраше дорогих заморских ваз. Но ни в хоромах, ни на торговых задворках, ни в чёрной бане, куда последовательно переселяют героя, чтобы стимулировать его вдохновение, ничего не выходит.

Александр Гутков, историк, археолог, краевед, пишет: В «Сказе об Олексашкиной чаше» Нина Кондратковская подметила то, что в ней самой есть. Она увидела Чудо! Гончар сотворил такую чашу, что она стала живой. Подтверждением этому – ожившая птичка. Это не просто снегирь на чаше, это – Душа гончара. Олесашка мечтал вырваться из царского плена домой и хоть птицей долететь до родимой сторонушки. Представляете, насколько надо было душой рваться из золотой клетки неволи, чтобы сотворить из глины подлинное произведение искусства?!».

Весь, как солнышко, горя,
 На кругу посуду вертит,
 Сверху лепит снегиря.
 Вот он, алый, чернохвостый,
 Так и рвется в перелет,
 То обронит тихий посвист,
 То рябинку поклюет.
 Будет ведать град-столица,
 Что гончар не лыком шит,
 Как на чаше чудо-птица
 Ясны перья распушит!
 Огонек в глазах занялся,
 Будто он в родном дому,
 Сноровисто глина в пальцах
 Так и ластится к нему.

Через донце светит солнце,
 Как в оконце в ясный день,
 Колоколят колокольцы,
 Только пальчиком задень...

А снегирь – посвищет в ухо,
 Поскребется на груди.
 И признал родную пташку
 Гончарок:
 – Да ты же свой!
 Сам лепил тебя на чашку,
 Сам поверил, что живой!
 Сам хотел с тобой на волю,
 Просто до смерти хотел!
 От того хотенья, что ли,
 Ожил ты и прилетел?
 Прилетел, в меня поверя,
 Из царицыных хором,
 Отыскал меня! Теперя
 Живы будем, не помрем!

И повел снегирь! По весям
 Против солнца, на восток,
 Чистым полем, темным лесом –
 За три тысячи дорог...

Художником, поначалу крепостным, а потом и вольным, да угодившим на каторгу и в шахте потерявшим слух и речь, является и герой сказа «Игнатъевская пещера». Причудливые жизненные перипетии приводят его в древнюю уральскую пещеру, встреча с деревенской девочкой возрождает к жизни, но, выйдя на волю, он слепнет от яркого солнечного света и потом на ощупь пытается в камне воссоздать черты давней любимой, защищая которую и попал в каторжане.

Игнатъевская пещера (известна также как Игната, Игнатова, Игнатиевская, Дальняя, Серпиевская, Ямазы-Таш) – крупная известняковая пещера на берегу реки Сим (приток реки Белая) в южной части Уральских гор, в Катав-Ивановском районе Челябинской области. Пещера знаменита тем, что в ней найдены рисунки древнего человека.

Герой сказа «Игнатъевская пещера» – иконописец и беглый каторжник. Желая вступить в брак с крепостной красавицей, в поисках средств для ее выкупа он соглашается выполнить заказ дворянина: изобразить в спальне фреску с нагой Афродитой. В качестве модели художник избирает возлюбленную, однако заказчик обманывает его, сам приобретает эту девушку в качестве наложницы, а художника отправляет на каторгу

в Сибирь. Из недр земли, из Нерчинских рудников художник бежит, но останавливается на границе Европы и Азии, поселяясь в одной из пещер Уральского хребта. В этой пещере имеется «мертвая вода», уничтожающая все живое. Но вместе с лучами солнечного света туда просачивается «вода живая» – в облике девочки Нюрки. Она вдохновляет художника вернуться к творчеству. Теперь мастер пытается воссоздать образ возлюбленной в виде иконы Пресвятой Богородицы. Он умирает, довольный тем, что осуществил гармонию. Нюрка, видя результат его трудов, понимает, что камень все-таки отнял у художника творческое начало: мастер потерял зрение и работал вслепую.

*Время шло, и сказка продолжалась
В каменной пещере на стене.
Беспросветной, бесконечной ночью,
Может, год, а может, много лет
По зернинке маковой, на ощупь
Нил ваял девический портрет.
Оживлял творение природы
Красотой любимого лица –
Пусть встречает путников у входа
Строгого подземного дворца!
Он творил, себя надеждой грея,*

*Что сюда счастливые придут,
И поможет людям стать добрее
Дар его, помноженный на труд.
Сколько вод и меженных, и полых
Быстрый Сим под кручами пронес!
Сколько сказов, грустных и веселых
Расплескал его широкий плес!
Век промчался конницей стоголавой,
Новый век летит во весь опор,
И звучат не стонами, а славой
Откликные гребни синих гор.*

О.М. Давыдов (Челябинская епархия) в статье «Мифопоэтика литературного сказа Н.Г. Кондратковской: фронтальный подход» утверждает, что

«...горный ландшафт встречается со степным, камень не представим без воды, в нем берущей исток и текущей свободно по бескрайним просторам... Благодаря такому своеобразию интерпретаций важнейших концептов геопоэтического образа Урала литературные сказы Н.Г. Кондратковской можно назвать уникальной страницей уральской поэзии, «особым мнением» на фоне сложившейся геопоэтики Урала».

Николай Александрович Напазаков

Николай Александрович Напазаков едва ли не самая яркая фигура среди народных певцов, которыми богата Горная Шория. Он был не просто кайчи, он был поэтом большого дарования, певцом-импровизатором, чьи песни еще долго будут звучать на Мрассу и Кондоме, мудрецом, чьи пословицы, афоризмы прочно вошли в народную речь.

Николай Александрович Напазаков – яркая индивидуальность среди сказителей Шории. Обладая исключительной памятью, он знал десятки огромных эпических произведений – кай, героических народных поэм, десятки ныбак – сказок бытового, фантастического, фривольного содержания. И почти все это сказывал своим неповторимым ярким языком, стихом, богатым аллитерациями и музыкой.

От всех кайчи Анатолий Прокопьевич Напазаков отличался тем, что сказания рассказывал без горлового пения под аккомпанемент комуса, а устно, но при этом он был очень артистичен, эмоционален и слушать его было очень интересно. Весь вид его напоминал сказочного героя – невысокого роста и худощавый с огоньком в глазах, в непрезентабельной домашней одежде (могли быть и дырки на трико), по-детски непосредственный и не скрывающий своих чувств.

Во время исполнения сказаний он весь преображался, в глазах его горел особый огонь, голос был звучным, особенно громко и артистично он произносил слова «Аккий!», «Токта!» и видно было, что ему нравится рассказывать и быть в центре внимания слушателей, видеть, как люди восхищаются его прекрасным исполнением – это его еще больше вдохновляло.

Сказитель Николай Александрович Напазаков широко известен в Горной Шории под именем Морошка. Слово это русского происхождения.

Однажды в улус Чувашка на Мрассу приехал русский человек и, войдя с мороза в избушку рыбака-шорца Напазакова, сказал:

– Ух и морозко же на улице!..

Впервые услышанное русское слово особенно понравилось маленькому сыну рыбака Николаю. Он без конца твердил это слово: морозко, морозко.

Русский спросил у мальчугана, как его зовут, и маленький шорец не совсем чисто выговорил понравившееся ему слово: морошка. Русский принял это слово за имя и стал мальчугана звать – Морошка.

Вскоре и в семье маленького Николая стали звать так же, и он очень гордился этим. Так утвердилось за ним новое имя.

И в детстве же к этому имени присоединилось другое, высоко почетное в Шории: кайчи, кайчи Морошка.

Анатолий Прокопьевич Напазаков говорил, что сказания надо рассказывать «слово в слово» как услышал, не сокращать и сам соблюдал эти правила.

Любовь Арбачакова записала от Анатолия Прокопьевича Напазакова 5 сказаний. Его сказание «Қыдат Қаан» позволит любителям шорского героического эпоса насладиться художественно богатым шорским языком, который сохранил для потомков А.П. Напазаков.

Сказ «Охотник Абышка»

Характерный образец шорского сказа – это сплетение бытовых, реалистических мотивов с фантастикой, где отчетливо выступают специфические особенности национального, бытового, экономического, хозяйственного уклада.

Давно-давно жил в густой тайге старый охотник по имени Абышка, жильём ему был шалаш из молодых деревьев. Со старой женой своею жил охотник Абышка бездетно и одиноко. Весь век свой, прожив в тайге, они ни разу других людей не видели, не знали, что, кроме них, ещё на свете много людей живёт! Абышка у подножья Кара-Кун-горы охотился: сорок капканов имел на зверей, сорок силков ставил на птиц, а в реке Ак-Талай тридцатью мордами рыбу ловил. Так они со старухой и жили.

Охотник Абышка – герой ныбак – не богатырь, а простой охотник, живущий обыкновенной жизнью и волей случая попадающий в фантастические обстоятельства.

Тут из норы показалось что-то черное, мохнатое – медвежонок выполз и вдруг человеческим голосом заговорил:

– погоди, погоди, охотник, не стреляй. Зачем ты в меня нацелился? Лучше с собой уведи, я тебе пригожусь когда-нибудь...

Большое место в сказе занимает природа, в окружении которой живет охотник.

В этом краю, где растущая трава – чистое серебро, растущие деревья – чистое золото. Все птички земли здесь поют, всякие звери здесь рождаются.

В ныбак отчетливо отражены верования, предрассудки, мировоззрения шорцев. В сказе фигурирует дух лесов, человек-медведь. Этот образ – отражение культа медведя, лесной полужыческой религии шорцев. Существует масса легенд, сказок о полуживере-получеловеке, родившемся от связи женщины и медведя. В «Охотнике Абышке» мы имеем дело с превращением ребенка в медвежонка и обратным превращением его в человека.

На десятый день медвежонок сказал:

– Эзе, мой отец и мать и моя жена Ак-Торгу, мой настоящий отец, Кара-каан, за пределами трех ханств живущий, меня проклял и в медвежонка превратил. Теперь мне срок подошёл – имя своё иметь, человеческий облик приобрести, буду я имя носить Кара-Молат.

С этими словами медвежонок в тайгу убежал, а потом вернулся стройным красавцем-богатырём.

В 1948 году в Новосибирске издательстве «Огиз» вышла книга «Ай-Толай». Во вступительной статье Александр Смердов поделился воспоминаниями о встрече со сказителем Морошкой. Приводим отрывок из этой книги:

«... Одну сказку надо пять ночей рассказывать – про Богатырей. Ох, какая сказка, заслушаешься! Я кайларить не умею, ты к Морошке плыви, он все ныбак, какие в тайге, сказывают, один знает. Шибко большая голова, ум его как колонок быстрый, как Золотое озеро глубокий – все реки в него слились...

С попутной лодкой вниз по Мрассу я добрался до улуса Чувашка. Но знаменитого камчи в улусе не оказалось. Он был на рыбалке, на Мрассу, куда меня и доставили рыбаки из улуса. На берегу, у шалаша, в тени пихты, возле растянутой для просушки сети, сидел на корточках маленький старичок в яркой фланелевой рубашке. Склонив большую седую голову, старичок что-то монотонно напевал, а руки его, как у ткача, быстро сновали возле сети, продергивая нить. Он напоминал лесного сказочного гнома.

Услышав наше приближение, старичок из-под ладошки поглядел на нас, поднялся.

Эзенок, Морошка! – сказал уважительно привезший меня рыбак и протянул ему руку.

– Эзенок, мужики! – раскланялся Морошка, и все его лицо в мелких морщинках, с реденькой бородкой, осветилось хорошей стариковской улыбкой, из морщинок поблескивали мудрые и ласковые глаза. Он всем поочередно пожал руки своей цепкой маленькой рукой.

Эдак, эдак, мне старику будет веселей ночь ночевать, – приговаривал он – Будем тайменя варить, гостей угощать. Он раздул костер, подбросил сухих кедровых веток и повесил над огнем два ведра с водой... Морошка приветливо встречал всех, угощал ухой, говорил, пересыпая речь свою прибаутками и поговорками. Гости почтительно слушали, выжидающе поглядывали на Морошку.

– Ладно, буду маленько кайларить, – наконец сказал он, и, припадая на больную ногу, ушел в свой шалашик. Вернулся он с комысом' в руках. Люди раздвинулись, давая ему лучшее место у костра: пусть ни одна случайная искра не упадет на кайчи, пусть дым не коснется его глаз. Один из плотовщиков подкатил для Морошки чурбачок, на который кайчи уселся, и стал настраивать комыс. Глуховато зарокотали под его пальцами волосяные струны. Тяжелые веки опустились на умные, острые глаза старика. Он сидел, наклонив голову, прислушивался к рокоту струн. И как-то незаметно, к гудению комыса, присоединилось горловое глуховатое гудение голоса кайчи. Голос и гудение струны слились в одно звучание, напоминающее песню ветра в ущелье. Зашевелились губы кайчи и, как эхо, первые слова песни, донесли до слушателей:

*Пурун, пурун, полкан полтур...
Пурунги тёлдюн сонда,
Емдеги тёлдюн алында...
Данным давно это было...
Прежнего поколения прежде.
Нынешнего поколения раньше...*

В эту ночь он спел одну из своих любимых поэм – «Ай-Толай», представленную в нашем сборнике...».

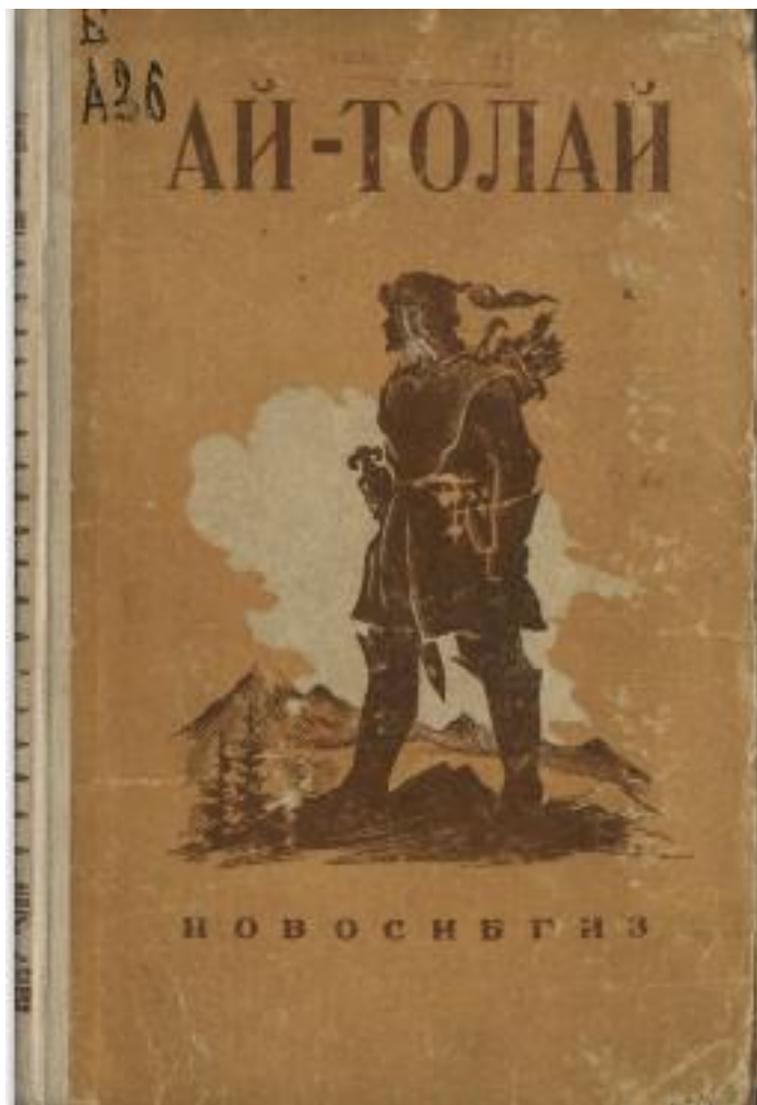

АЙ-ТОЛАЙ

*Не считаю короткой песню мою,
Слова лишнего не спою;
Не считаю длинной сказку мою,
Слова из сказки не утаю.
Сколько от старых услышал сам,
Столько и вам сейчас передам...
Задолго до нас протекало это.
В первое время Земли и Света, –
Стоял у подножия тайги и гор
Высокий, как синий Мустаг, шатер,
Под солнцем, как шлем золотой, стоял,
Литым серебром при луне сиял.
В богатом шатре, не знаясь с нуждой,
Жил Ай-Толай, силач молодой.
Был бы на свете он одинок,
Если б не жил с сестрой Пий-Коок,
Если б не жил, как с любимым братом,
С красавцем конем своим Ак-Кулатом*

*Однажды Ай-Толай
в шатре сидел,
Сочное мясо пулана ел,
Насытись обедом, сладким, обильным,
Стал богатырь веселым и сильным.
Сестра Пий-Коок за шитьем сидела, –
Эзе, мой брат, – говорит Пий-Коок, –
На брата, как мать на дитя, глядела.
Жену подыскать пришел тебе арок.
Чтобы невесту себе найти,
Сорок ханств ты минуешь в пути, –
За ними в дворце красивом, богатом
Живет Сарыг-Каан с конем Ак-Саратом.
Есть дочь у хана – Алтын-Талба.
Стоит у дворца женихов толпа, –
К дворцу Сарыг-Каана со всей земли
Богатыри молодые пришли.
Кто в равной всех победит борьбе, –
Будет мужем Алтын-Талбе,
Чьего коня быстролетней бег, –
Будет мужем Алтын-Талбе.*

«В процессе сказывания Морошка создавал свои изумительные поговорки, пословицы, изречения, широко бытующие сейчас в шорской речи. Переведенные и печатаемые в этом сборнике его героические поэмы «Ай-Толай», «Алтын-Сом», «Алтын-Кылыш» и сказы «Анчи Абышка», «Несчастливец Неккер», незначительная часть того, что знал Н.А. Напазаков. Он знал только богатырских поэм более двадцати. Переведенные нами поэмы отнюдь не самые крупные из его былин и неизвестно – лучшие ли, потому что записано очень немногое из того, что знал этот выдающийся народный певец и сказатель». А. Смердов

*Ай-Толай, коня заседлав, говорит:
– Кто землю родную любит, как мать,
Тот будет по ней всегда тосковать.
Кто пил из речки родной однажды,
В чужом краю ощущает жажду.
Эзе, мой брат, хоть и весел той,
А нам пора вернуться домой.*

*Не считая долгой сказку мою,
Лишнего не говорил;
Не считая короткой сказку мою,
Слова не утаил.
Сколько сам от людей слышал,
Столько вам, друзья, передал.
Прошел я, старый, по свету всему,
Счастье ханов собрал в суму.
Прошел я землю вдоль-поперек,
Счастье народов собрал в мешок.
С полной сумою, с полным мешком
На белого зайца я сел верхом.
Приехал на зайце я в землю свою,
Сидящим здесь серебро раздаю,
Слушавшим славную сказку мою
Золото слов моих раздаю!...*

Николай Евгеньевич Ончуков

Истоки интереса ученого к устному народному творчеству находятся в его детстве. Н.Е. Ончуков вспоминал:

«Я рано пристрастился к чтению и читал, конечно, сначала сказки. И слушать их я любил очень. Бывало, новый кучер или кухарка от меня не отвяжутся».

Николай Евгеньевич одним из первых проводил комплексное изучение фольклора Русского Севера. По результатам исследований напечатал ряд статей и выпустил книги – «Печорские былины», «Северные сказки», «Северные народные драмы». «Печорские былины» были отмечены малой золотой медалью Императорского русского географического общества, «Северные сказки» – большой золотой медалью.

С 1907 года Николай Евгеньевич становится действительным членом Императорского русского географического общества.

Первая экспедиция Николая Евгеньевича состоялась летом 1900 года, когда «...с открытым листом Императорского Русского географического общества в качестве собирателя материалов по этнографии» он ездил на Вишеру Чердынского уезда. Исследовав район реки Вишеры, Ончуков «проехал еще всю Колву, всю населенную Унью и Печору в пределах Чердынского уезда».

На Вишере Николая Евгеньевича заинтересовали памятники вогулов. Он расспрашивал жителей о местах, где они сохранились, «...смотрел так называемый «Полюд-камень», пытаюсь найти пещеру, где совершались культовые обряды. В районе горной Вишеры ему удалось узнать историю «Писаного камня», по преданию стоявший на границе между владениями русских и вогулов. Ончуков привел координаты Писаного камня, сообщил о его размерах, надписях и рисунках на нем, а также записал легенды, связанные с этим местом.

Благодаря кропотливому труду собирателя Н.Е. Ончукова мы с вами имеем возможность читать сказки в том виде, в котором они бытовали в народе. Без ремарок, без пересказов и без искажения смысла, который неизбежен при любой адаптации текста.

Впервые сборник «Северные сказки» был опубликован в 1908 году. Долгое время сборник не переиздавался, но вот в последнее время интерес к русским сказкам возрос и издано уже второе современное издание.

«Северные сказки» – сборник необычный. Иллюзия соприсутствия, а отсюда и сопереживания настолько велика, что читатель постепенно начинает ощущать себя слушателем, а записанный текст становится адекватным устному исполнению. Эти сказки не только доставляют истинное духовное наслаждение, но и удивляют пестротой сюжетов, изысканностью народной речи, глубоким внутренним трагизмом. В них жизнь русского народа, его вера в правду и справедливость, его радость и страдание, любовь и ненависть. Эти сказки – образцы поразительного мироощущения русского народа, который в своем творчестве, даже рисуя ситуации трагические, всегда нес свет вечного оптимизма.

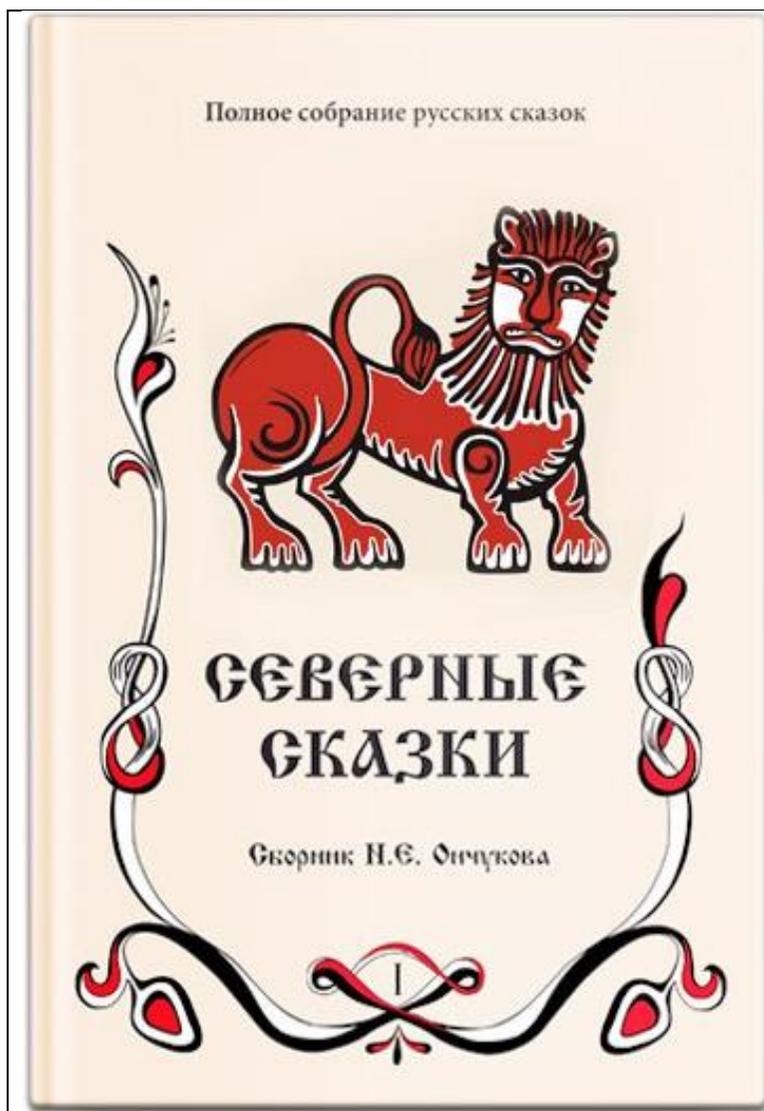
Сказки и сказочники на Севере (из предисловия к первому изданию книги от собирателя):

«Сказки моего сборника записаны на Севере, но в различных его местностях, начиная с крайняго востока Европейской России – Низовой Печоры и кончая самой западной ея частью – Кемским Поморьем и западными уездами Олонецкой губернии. Условия жизни в местностях, разбросанных на огромном пространстве одной широты, в общем одинаковы, но в частностях различны. Занятие, главным образом, промыслами (рыбная и звериная ловля), а не земледелием, суровый, дикий, глухой край, отдаленность от центров, раскол – это общия черты всего русскаго Севера. И все сказки сборника носят один, общий им всем, колорит и склад, рассказаны оне почти одним говором, все освещены суровым взглядом на жизнь севернаго жителя. Но в частностях сказки разнятся и отражают те разнообразия обстановки и условий жизни и быта, котория свойственны той или другой местности Севера...»

В 1911 году вышел из печати еще один сборник Ончукова – «Северные народные драмы». Это было уникальное по своей полноте издание некогда живого жанра русского фольклора. Народная драма – жанр по происхождению сравнительно поздний, но к сегодняшнему дню практически не сохранившийся. Своим происхождением народная драма во многом обязана профессиональному театру, особенно так называемому «школьному» театру. Правда, литературная основа, занесенная в фольклор, серьезно трансформировалась и начинала функционировать в соответствии с традиционной народно-поэтической эстетикой.

Народная драма – причудливая смесь стилей, жанров, где каждое слово, выражение или ситуация невольно возвращают нас к неожиданному первоисточнику. Благодаря Ончукову мы имеем сейчас возможность знакомиться с этой стороной народной культуры, которая могла быть навсегда утрачена.

Уникальный интерес для нашей культуры представляет известный очерк Ончукова «Масленица», где были воспроизведены записи масленичных игр, а также работа «Песни и легенды о декабристах» – самое значительное среди опубликованных исследований Ончукова в советский период.

Живал-бывал царь вольной человек, жил на ровном месте, как на скатерти. У него были три сына, первой Василей, второй Фёдор, третьей Иван, да были еще при ём люди-слуги роботшия; старшие сыновья были у его толковые, путни, а меньшой был безпутнёй соплячек, лежал только на печи тёплой. Старшие сыновья стали лет семнадцати-восемнадцати; призывает царь вольней человек большого сына Василья, говорит: «Што же ты, мой сын, Василей, вырос ты большой, лет до восемнадцати, не каких ты занятий не занимаешь; мы прежде не так жили: много прежде земли бирали и по земли ездили, и ты по чистому полю поежжай и чудо-диво доставай, отчёвы следы потоптай».

Алексей Фомин, сын вдовин, по морю ходил, катары кроил, тем свою буйну голову кормил; из нерпецей катарки, кроил две лямки, а из заецей катары, целые ремни. Бежал по морю тихонькё, увидел ошкуя Офонька, ко льдины пристали, обедать варить стали; Алексей Фомин пошел по льдины и нашол облемая; тому стал рад, оттыкал штаны и сел страть; в карбасе говорят: «Олексей, хотя ты и рад, облемай у тебя дыроват». – «Молчите ребята, небольшие эти дырки, отдам, зашьют и иньки». И принёс облемая на карбас, и весь свой кроёж перемерял и перешевелил, родилось кроежу на целую возжку; Амглё самоедин, хотя и на носу, а я не мене его унесу; Исак, хотя и крут, в одной нашести тут, а Гришка да Микишка худы самоедишка, а боле некому и брать. Повезу я кроёж в шар. Сделалса кроёж и в шару не хорош, хозяин его не купит и работнику не дас. Шол Паша Громован и этот кроёж торговал, за каждую сажень по грошу давал, потому грош, што кроёж не хорош, от кожных от разных от зверей, от маток и от корчик, четыре сажени в чик.

С «Северными сказками» Н.Е. Ончукова в отечественной науке связано два побочных литературных сюжета, рисующих нам взаимоотношение фольклористики как научной дисциплины с русской художественной культурой начала XX в. Мы уже говорили, что соприкосновение с фольклористической жизнью стало решающим толчком в рождении писателя Б.В. Шергина. Вторым примером, когда фольклорист становится причиной пробуждения писательского таланта, являются взаимоотношения Н.Е. Ончукова и М.М. Пришвина. Роль Н.Е. Ончукова в становлении творческой индивидуальности М.М. Пришвина заключается не только в том, что он открыл писателю край непуганых птиц: научные работы этнографа помогали писателю при создании его первой книги и даже непосредственно отразились в тексте очерков.

Он был человеком очень уважаемым и почитаемым в научных кругах. Когда читаешь его сопроводительные тексты к сказкам поражаешься, как он глубоко погружался в жизнь самих рассказчиков, тех самых, которые ему пели и рассказывали все новые и новые сказки и былины.

Вот для примера только одно описание сказителя Ончуковым:

«Алексей Чупров, он же Алексей “Слепой” – старик 70 лет, живет в Устьцьельме, самом крупном селении на Низовой Печоре и ее административном центре. Сказки знает твердо, рассказывает их прекрасно, складно, строго соблюдая то, что А.Н. Афанасьев называл «обрядностью»: из слова в слово повторяя, обыкновенно до трех раз, описание отдельных действий и сцен, особенно удачные выражения и обычные эпитеты. Сказки его поэтому всегда очень длинны, хотя и содержат немного действия, не отличаются особым разнообразием сюжета. Знает А.В. и былины; но с тех пор, как его постигло большое несчастье (ослеп), он религиозно настроен и ничего не поет, кроме духовного. Религиозность не мешала ему, впрочем, сказки рассказывать мне всякие, иногда и очень скабрзные. Но и эти последние А.В. рассказывал строго и серьезно, с сознанием, что делает он не совсем пустое дело: передает он, старик – то, что сам когда-то слышал от стариков, и не его вина, если в старину так сложили сказку. Былины он мне не пел, а рассказывал. Достойно замечания, что в сказках А.В. много совсем былинных выражений и эпитетов, да и самые сказки у него есть стремление излагать рифмованным слогом».

О сказках Н.Е. Ончуков писал следующее:
«Когда сказители в селениях, где я записывал старины, были мною использованы и между поездкой в другое селение оставалось свободное время (...), я занимался на Печоре поисками рукописей, осмотром архивов местных церквей и уже после всего записывал сказки. Таким образом, записывал я сказки на Печоре между делом, и они, конечно, не обнимают всего сказочного репертуара этой области».

И таких описаний сказителей у Николая Евгеньевича – семнадцать. Семнадцать кратких резюме о жизни простых крестьян, творивших устную красоту России, которую успел запечатлеть сказочник Ончуков.

Его называли «классиком русской фольклористики», благодаря ему появился на сегодняшний день ценный исторический материал – газета «Прикамская жизнь», он много путешествовал, увлекался этнографией, выпускал научные труды, сотрудничал с Русским географическим обществом и стоял у истоков создания в Сарапуле первого в Прикамском крае музея. Это все о Николае Ончукове...

Евгений Андреевич Пермяк

«Я – это книги, – писал Евгений Пермяк, по ним пусть знают и судят обо мне».

В начале своего творческого пути Евгений Пермяк развивал традиции П.П. Бажова в сборниках **«Счастливый гвоздь»** и **«Дедушкина копилка»**. Однако с течением времени сказки Пермяка стали тяготеть к традициям прозы XIX века, творчеству Н.С. Лескова.

Более известны пьесы Е. Пермяка: **«Ермаковы лебеди»**, **«Иван да Марья»**, **«Золотая сорока»**, написанные по мотивам сказок П. Бажова и русских сказок. Первые встречи с Бажовым навсегда остались в памяти Евгения Пермяка, стали началом большой творческой дружбы. Вот что пишет, вспоминая те времена, внук П. Бажова Владимир Бажов:

«В гости к дедушке на Новый год пришел писатель Евгений Пермяк со своей женой и дочерью Оксаной. Евгений Андреевич любил удивить чем-нибудь необычным. В этот вечер он принес пачку картинок, нарисованных под его руководством дочерью. На каждом рисунке цветными карандашами был нарисован кто-нибудь из семьи П.П. Бажова или Е.А. Пермяка. Елка была очень веселой и незабываемой. Мы с Оксаной рассказывали стихи и плясали под дружный хохот взрослых. Вообще Евгений Пермяк слыл веселым и жизнерадостным человеком. Из всех людей, бывавших в то время в доме дедушки, он запомнился мне больше всех».

В эвакуации, в годы Великой Отечественной войны, Евгений Пермяк закончил пьесу «Ермаковы лебеди», которую горячо одобрил и рекомендовал к печати Бажов. Этой пьесой Евгений Пермяк заявил о себе, как о писателе, способном неповторимо и оригинально изображать тему народной поэзии Урала. Позднее Пермяк написал ещё одну пьесу по сказу Бажова – «Серебряное копытце», изданную в 1956 году в Москве.

Через много лет Евгений Пермяк написал книгу **«Долговекий мастер»**, в которой с большим уважением и любовью рассказал о жизни и творчестве П. Бажова.

«Годы, прожитые у моей тётушки на Воткинском заводе, – вспоминал Евгений Пермяк, – можно назвать первоисточником моего детства и отрочества... В мартеновскую печь заглянул раньше, чем в букварь. С топором, молотом, зубилом, с инструментами вообще подружился до знакомства с таблицей умножения».

Но вот удивительно: несмотря на пристрастие к труду рабочего-профессионала, юношу манило писательство, он начал печататься в местных газетах, получил корреспондентский билет на имя Виссова-Непряхина, поступил в Пермский университет и занялся общественной деятельностью. И здесь он начал работать в газете, но необычной, а театрализованной.

Писатель обращается к занимательным сюжетам и выразительным характерам «Малахитовой шкатулки», серьёзно изучает устное народное творчество Урала. В совместных поездках Бажова и Пермьяка по Уралу родились книги очерков «Уральские записки», «Строители». Через много лет писатель ещё вернётся к теме «Уральских записок» в книге об Урале и его тружениках «Мой край».

«Выходец из коренной уральской среды, Евгений Пермьяк принес в литературу свой опыт, свою трудовую биографию, во многом определившую творческую самобытность писателя. Ему не нужно было выдумывать героев. Его книги населены живыми людьми, выхваченными из самой жизни. Они прошли через сердце писателя, наделены его радостями и болями, живут в труде и борьбе, не кичатся подвигом и не ищут легкой доли», – писал московский публицист, писатель Виктор Гура.

Пермьяк не подвергал сказы Бажова драматической обработке. А создавал по их мотивам всецело оригинальные произведения. Бажов – опорная точка, толчок для избыточной фантазии художника. В 1942 в Свердловске была издана книжка «Ермаковы лебеди». Героическое представление в 4-х действиях Евгения Пермьяка по одноименному сказу П. Бажова об Ермаке Тимофеевиче, его храбрых есаулах, верной невесте Аленушке и о великом государе Иване Васильевиче.

Опираясь на уральские народные сказы, Евгений Пермьяк рисует Ермака как сына уральского холопа, замученного боярами. Он не только делает его народным героем, выразителем чаяний русских людей, но и вслед за Павлом Бажовым поэтизирует его образ. Могучей белокрылой птицей-лебедом рисует народ Ермака. Его помощники – есаулы, его народные рати – «Ермаковы лебеди», перед которыми широко открываются новые великие просторы сибирской земли. С народом делит ратную славу и подвиги Ермак. В центре пьесы – динамика народной жизни, народного движения. Это и выделяет выгодно пьесу Евгения Пермьяка среди других драматических повествований о Грозном. Поднимая заздравную чашу в честь послов Ермака, прибывших в царские палаты бить челом, «сибирской землей», Грозный произносит вещие слова: ***«Народ российский наш, разбуженный от векового сна, свою державу одаряет сынами ясного ума. Иван – печатник Федоров, два зодчих, что воздвигли диво-храм Василия Блаженного, ремесленники – золотые руки, гости хитроумные и множество других, чье имя возвеличит время. Ныне мы зрим деяния большого сына нашего народа – Ермака. Мы зрим его соратников – простых людей, чей подвиг греет сердце и украшает нашу землю...»***.

«Для Урала найдено много лестных сравнений, – пишет в автобиографической книге «Мой край». – Потому что, кроме всех его достоинств, мой край – удивительная призма. Призма, спектр которой – все цвета, все краски бесконечно любимой и дорогой России».

Позднее Пермяк написал еще одну пьесу по сказу Бажова – «Серебряное копытце». Сам он записывал и обрабатывал сказания о горе Благодать. В совместных поездках Бажова и Пермяка по Уралу родились книги очерков «Уральские записки», «Строители».

Тогда же появился замысел книги «Кем быть». Книга состоит из 12 сюжетно завершенных глав (тетрадей), объединенных общей авторской задачей: раскрыть поэзию труда и познакомить юного читателя с огромным количеством существующих на земле профессий. Евгений Пермяк рисует характеры рабочих людей, гордых выбранной профессией, полных любви и уважения к своему труду.

Мыслью о беспредельном совершенствовании мастерства в любом труде пронизана вся книга. П.П. Бажов называет ее «живинкой в деле». Для кузнеца Николая Дудорова это – постоянное недовольство своей работой, поиски новых горизонтов, Для мастера глупинского бурения Семена Чуркина каждая скважина – словно новая сказка из «Тысячи и одной ночи». А сталевар Иван Васильевич так говорит о своей профессии:

«Песню словами не перескажешь. А красоту любимой работы и в песне не споешь».

Долго и настойчиво искал писатель жанр и эмоциональные средства. Сказка и сказ, бажовская память опять послужили добрую службу. «От костра до котла», «Сказка о стране Терра-Ферро», «Как человек покорил море», «Сказ про газ». От пещерного костра до газового. От плота – к супернавороченному океанскому лайнеру. От страны условного железа, фундамента могущества, – через борьбу с колдуньей-Ржавчиной, – к стране справедливости.

Пятьдесят сказок вобрал в себя сборник **«Дедушкина копилка»** и скрепил их общим зачином:

«Я ведь, внучка, тоже внуком был, и мне тоже дед сказки рассказывал. Придумает он сказку, или услышит, сейчас же в копилочку безделушку-памятку положит, чтобы сказку не позабыть. Про гуся сказка – гусиное перо. Про свечку – огарочек, про белояровую пшеницу – зернышко. И ты так, внучка, делай, когда бабушкой станешь. Тебе и завещаю эту дедушкину копилочку».

В сказе «Долговекий мастер», посвященном памяти П.П. Бажова, говорится про слово, «материал всех материалов»: «из него все сотворить можно». **«И нет ничего дороже его,– говорит Хитрован Петрович.– Нет ничего сильнее его. Город возьмет. Врага остановит. Сердце полонит. Мертвого воскресит. Живого умертвит. На путь наставит, с пути собьет. Ненавидеть научит. За собой позовет. Народы из темноты выведет. Солнцем им засветит. Крылья вырастит... Все подвластно ему!»** Силу «большого, настоящего слова» хорошо знал П.П. Бажов. И автор «Дедушкиной копилки» стремится идти дорогой его творческих поисков.

Книга **«Замок без ключа»** близка сказам Бажова последних лет не только потому, что это книга уральских былей-небылей, но и потому, что этих писателей сближает стихия народной речи, почерпнутой из одного источника. Писатели едины в своих устремлениях раскрыть характеры русских мастеров-умельцев, людей недюжинного ума и сметки.

Писатели близки друг другу вдохновенной поэтизацией их труда, который они рассматривают как искусство. Труд в любой профессии для них – выражение родником бьющего народного таланта. Духовное родство трудовых людей, преемственность поколений, самоотверженная борьба народа за свое счастье – вот что не уставало привлекать Бажова и Пермяка.

Откликаясь на события современности, Бажов не только расширял тематический диапазон своих сказов. На место привычного деда Слышко приходили новые рассказы, смена которых вызывала и поиски иной стилиевой интонации сказов. Опираясь на завоевания «долговекого мастера», Пермяк находил свои творческие «точечки». Его были-небыли, как и сказы из «Малахитовой шкатулки», объединены образом мудрого народного рассказчика.

«Сила Е. Пермяка в том,– справедливо отмечал П. Бажов,– что он заново смотрит на Урал, который знал в его недавнем прошлом. Это знание, усиливая контрастирование с настоящим, изумляет писателя и дает ему возможность неожиданных определений, обобщений, деталей».

Пермяк известен как создатель оригинальных, остросовременных, публицистически активных «маленьких романов». **«Сказка о сером волке»: об американском фермере (русском эмигранте), приехавшем поклониться могилам предков; о столкновении двух социальных систем. «Старая ведьма»: о ведьме-собственности, «Горбатый медведь», «Царство Тихой Лутони», «Сольвинские мемории», «Яргород».**

Почти все маленькие романы Пермяка написаны в бажовской манере. Ни один из них не обходится без вставной сказки, – прочно связанной с общей задумкой текста, – проясняющей сюжетную линию всего произведения. Действие романа **«Очарование темноты»** Евгения Пермяка происходит в начале нашего века на Урале. Одним из главных героев этого повествования является молодой, предприимчивый фабрикант-миллионер Платон Акинфин. Одержимый идеями умиротворения классовых противоречий, он увлекает за собой сторонников и сподвижников, поверивших в «гармоническое сотрудничество» фабрикантов и рабочих.

Предвосхищая своих далеких, вольных или невольных преемников – теоретиков «народного капитализма», так называемых «конвергенций» и других проповедей об идиллическом «единении» труда и капитала, Акинфин создает крупное акционерное общество, символически названное им: «Равновесие». Ослепленный зыбкими удачами, Акинфин верит, что им найден магический ключ, открывающий врата в безмятежное царство нерушимого содружества «добросердечных» поработителей и «осчастливленных» ими поработченных... Об этом и повествуется в романе-сказе, романе-притче, аллегорически озаглавленном: «Очарованне темноты».

Неисчерпаем источник народной словесности, и оба писателя, Бажов и Пермяк, жадно припадают к нему. Они умеют добывать речевое золото «на алмазных россыпях мудрых присловий», «на приисках самородных сказаний». У Пермяка был мудрый предшественник, который умел в дорогой оклад слово оправить, добыть у народа сказку и переплавить ее «в волшебное литье».

Степан Григорьевич Писахов

«Жив я только Севером»

С. Писахов

Степан Григорьевич Писахов – русский писатель-сказочник, художник, этнограф описывал жизнь поморов. Искал «Божью правду», путешествовал по русским городам с паломниками, отправлялся в дальнее путешествие на Арктический север, побывал в Египте и Иерусалиме, Сирии и Турции, где получил разрешение рисовать в любом городе. Выставлял свои работы в Риме, но вернувшись на родину, в родной Архангельск сказал: **«Как будто глаза прополоскались! Где деревья, красивее наших берёз? А летние ночи, полные света без теней – это так громадно по красоте...»**.

Имя Степана Писахова известно далеко не всем. Если кому и приходилось слышать о нём, те обычно вспоминают северные сказки и мультфильмы, поставленные по произведениям Степана Григорьевича. Его можно назвать архангельским Бажовым и северным Саврасовым.

Писательский дар проявился у Степана Григорьевича ещё до 1917 года. Очерки **«Самоедская сказка»** и **«Сон в Новгороде»** опубликовали в газете «Северное утро» в Архангельске в 1918 году. Они понравились читателям.

Но истинное признание Писахов получил за свои сказки. Первая из них, написанная в 1924 году, называлась **«Не любо – не слушай»**. Молодого сказителя поддержал Борис Шергин. А дальше вышли в свет **«Морожены песни»**, **«Северно сияние»**, **«Звездный дождь»** и десятки других сказок. Первое официальное писательское признание шестидесятилетний Степан Григорьевич получил в 1939 году, когда он стал членом Союза писателей.

Северные сказки С.Г. Писахова наполнены поморским колоритом, народным говором, особенным юмором. Проникнутые сочетанием необыкновенной фантазии и повседневной жизни, они актуальны и сегодня. Да и как не улыбнуться и не подивиться воображению мастера, когда он пишет: **«У нас на Севере морозы стоят по двести – триста градусов. На моей памяти и пятьсот было»**.

Он не придумал свой Север. Не нафантазировал его. Он участвовал в десяти длительных экспедициях на Новую Землю. Наверное, ни один писатель не повторил этого писаховского достижения. На Новой Земле он стал своим человеком – и для полярников, и для ненцев. Сколько зарисовок сделал Писахов там, среди снежных глыб! Это было во времена, когда, как выражался писатель, «про радио и знати не было». Поэтому ценилось живое слово. Его притягивала Арктика. Северным сиянием, неисчерпаемым снежным пространством. Студёным безмолвием. Он находил слова, чтобы объяснить ей в любви:

«Яркий звонкий юг мне кажется праздником шумным – ярмаркой с плясками, выкриками – звонкий праздник! Север (Арктика) – строгий, светлый огромный кафедрал. Простор напоён стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать свящую тишину. Незакатное солнце наполняет светом радости».

Он был настоящим сказочником – и по писательской интонации, и по внешней стати. Это было видно даже до того, как Писахов опубликовал свои первые сказки. Некоторые считали, что под маской бородача-сказителя с вечной потрёпанной котомкой в руках он хитроумно пытался скрыться от треволнений XX века. Мол, с чудака взятки гладки. Отчасти это верно. Да и какая литература без артистизма, без отточенного притворства? Он рано стал выглядеть стариком. Эдаким северным волшебником с раскидистой седой бородой, с горящими глазами, с неиссякающими прибаутками... Маленького роста – меньше 150 см, всегда в шляпе, в изрядно поношенном пальто, он редко выныривал из мира своих фантазий. Ещё до войны Писахов стал живой достопримечательностью Архангельска. Михаил Пришвин называл архангелогородцев «северным русским народом». Лучшего знатока этого народа, чем Писахов, в нашей литературе не было.

Писахов с детства чутко прислушивался к северному словотворчеству. И это очень важно, чтобы дети получали из своих первых книжек не только «словарный запас», не только уроки и переживания, но и интонацию.

Сказки Писахова интонационно захватывают даже самых неискущённых. Читатели «14 - » всегда безошибочно чувствуют, что с ними ведут непринуждённую беседу – с шутками, с дразнилками, не без хвастовства. Но – именно непринуждённо, без лицемерия. Зато и запоминаются писаховские байки накрепко.

Проходит десять, тридцать лет после прочтения – и мы неожиданно, по случаю, вспоминаем эти весёлые истины, произносимые с узнаваемым говорком: **«Летом у нас круглы сутки светло, мы и не спим. День работам, а ночь гуляем да с оленями вперегонки бегам. А с осени к зиме готовимся. Северно сияние сушим».**

«Виджу – мимо туча идет и близко над головой, да рукой не достать. Схватил веревку, – у меня завсегда с собой веревка про запас; петлю сделал да на тучу накиннул.

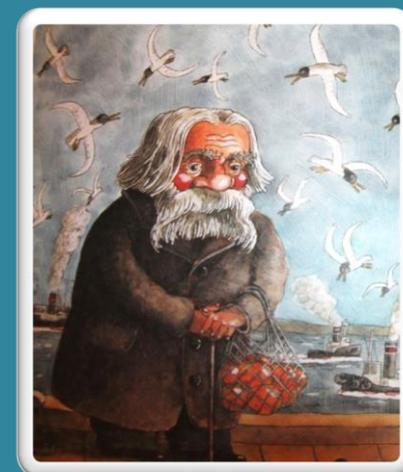
Притянул к себе. Сел и поехал верхом на туче! Хорошо, мягко сидеть. Туча до деревни дошла, над деревней пошла.

Мне слезать пора. Ехал мимо бани, а у самой бани черемша росла. Слободным концом веревки за черемшу зацепил. Подтянулся. Тучу на веревке держу. Один край тучи в котел смял на горячу воду, другой край – в кадку для холодной воды, окачиваться, а остатну тучу отпустил в знак благодарения.

Туча хорошее обхождение помнит. Далеко не пошла, над моим огородом раскинулась и пала легким дождичком» (Сказ «Из-за блохи»).

*Писахов придумал своего героя, рассказчика, фантазёра, настоящего северянина Семёна Малину из села Уймы. Он пояснял: **«Сказки пишу часто с натуры. Многие помнятся и многое просится в сказку. Чья память безвестных северных сказителей – моих сородичей и земляков – я свои сказки веду от имени Сени Малины».***

Сеня устраивает для нас аттракцион чудес. Он летал на Луну с помощью самовара, варил пиво на звёздном дожде и знал все тайны северной ночи, которая с таким собеседником вовсе не уныла.

Его сравнивали с Мюнхгаузеном – и неспроста. Писахов даже некоторые сюжетные ходы заимствовал у Распэ. Впрочем, все эти сюжеты основаны на бродячих фольклорных архетипах. Русской литературе не хватало именно такого героя – обаятельного враня и авантюриста с бездонной и поэтической фантазией. Но душа у него, конечно, не германская.

«Раньше стоял один столб, на столбе доска с надписью: «Архангельск». Народ ютился кругом столба. Домов не было, о них и не знали. Одни хвойными ветками прикрывались, другие в снег зарывались, зимой в звериные шкуры завёртывались. У меня был медведь. Утром я вытряхивал медведя из шкуры, сам залезал в шкуру. Тепло ходить в медвежьей шкуре, и мороз – дело постороннее. На ночь шкуру медведю отдавал».

Если сопоставлять писаховские сказки с мюнхгаузенским каноном – можно рассмотреть то, что объединяет русский и немецкий фольклор и определить явные различия. Прежде всего, Писахов и его рассказчик – поэты. Это свойственно русской фольклорной интонации.

«В сказках не надо сдерживать себя - врать надо вовсю», – утверждал писатель, понимая, что никаких строгих канонов у литературной сказки нет и

быть не может. Один из излюбленных приемов Писахова – материализация природных явлений (слова застывают льдинками на морозе, северное сияние дергают с неба и сушат и т.д.) становится толчком для развития авторской фантазии во многих сказках. Это во многом определяет тот особый юмор, который так характерен для сказок Писахова: все, о чем говорится в них, вполне может быть, если в самом начале допустить существование таких овещественных явлений.

1970-1980-е годы по произведениям Степана Писахова и Бориса Шергина режиссер Леонид Носырев создал анимационный цикл «Смех и горе у Бела моря», озвученный Евгением Леоновым. В работе над сценарием участвовал писатель Юрий Коваль. Весь цикл состоит из семи мультфильмов: «Вечны льдины», «Про медведя», «Морожены песни», «Волшебное кольцо», «Перепилиха», «Апельсин», «Поморская быль – Иван и Адриан». Это классика отечественной анимации.

Самый любимый и знаменитый мультфильм – это, конечно, «Волшебное кольцо», фразы из которого давно разобраны на цитаты: «пинджак с карманАми», «Ванька-то наш каку гангрону за себя взял», «...эта Ульянка хуже карасину», «Ваня, я Ваша навеки!», «Маремяна, не страмись!» – разве не прелесть!

Писахов словно вышел на городскую улицу из древней русской сказки. У него было и обличье сказочное, он походил на сказочного волшебника: **«Стоило заглянуть в его глаза, спрятавшиеся под кустистыми бровями, чтобы почувствовать: перед вами настоящий сказочник»**. Писахов не был типично «письменным» писателем, по его признанию, сочинять и рассказывать свои сказки он «начал давно, записывал редко».

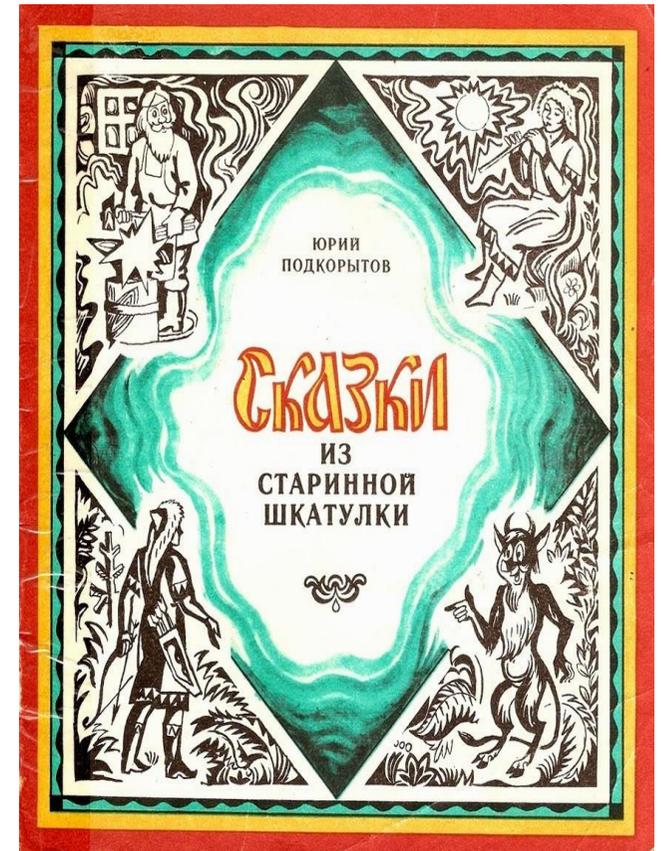
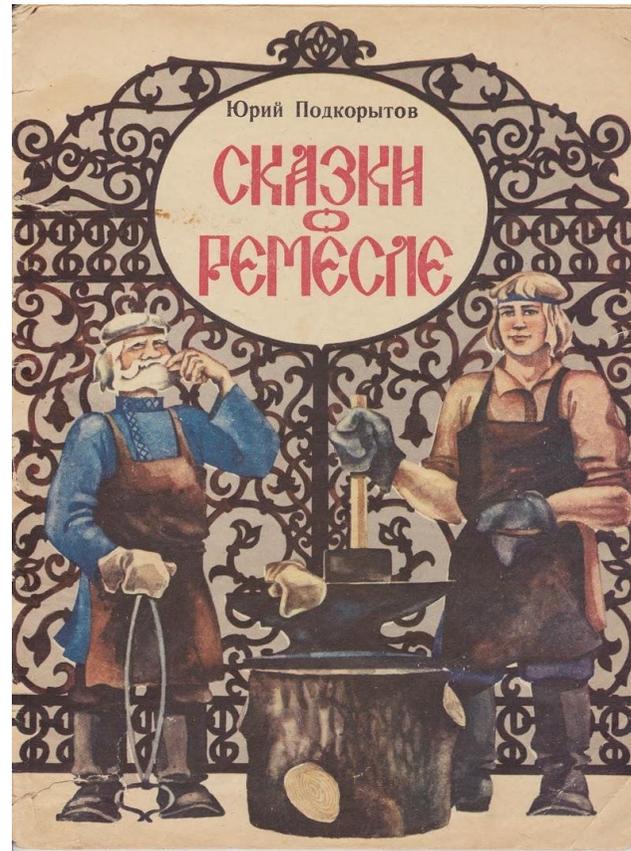

Писатель Владимир Лидин, близко знавший Степана Григорьевича, отзывался о нем так:

«Писахов был поистине поэтической душой Севера: он знал его палитру, его музыкальную гамму, его говор, лукавство народной речи, мужественный склад помора - все, что составляет самую глубокую природу северного края...».

«Писахов, – писал Ф. Абрамов, – один из великих сказочников Севера»; «он несомненно принадлежит к самым замечательным сказочникам мира»; по размаху фантазии среди сказочников мира первого десятка Писахов занимает особое место».

Юрий Георгиевич Подкорытов

«Ходит человек по земле уральской... камешек узорчатый найдет – в походную сумку спрячет, лесную диковинку – тоже. Слово меткое услышит – в книжечку запишет. У старых людей рассказов да сказок – горстями бери» – это написал замечательный писатель, журналист Юрий Георгиевич Подкорытов в сказке «Перо жар-птицы». Да и сам он был таким же: коснется своим волшебным пером чистого листа – и побегут чернильной вязью удивительные рассказы Деда Кудельки, как называли Юрия Подкорытова.

Юрий Георгиевич Подкорытов был прирожденным детским писателем, недаром его называли «Добрый сказочником», «Дедом Куделькой» (по имени героя его нескольких произведений). Его литературный псевдоним – Ю. Пластов.

Юрий Георгиевич Подкорытов родился в Челябинске в рабочей семье, рано остался без отца. Но это не помешало писателю пройти трудный путь от ученика токаря на заводе ЧТЗ до замечательного сказочника, продолжателя традиций П.П. Бажова. Без назидательности, без скуки он соединяет сказы, притчи с совершенно реальными вещами, чтобы рассказать детям о большой и важной работе, настоящем мастерстве, людях-мастерах.

Один из главных героев его книг о труде и мастерстве – дед Куделька – мудрый, умелый старик, живой, с лукавой хитринкой. Ему противостоит Верхушка, который легко за все берется, но делает все кое-как, только смешит людей.

Легенды и сказы коренных народов Южного Урала очень интересовали Юрия Георгиевича. Он хорошо знал башкирское народное творчество, отразил его в сказах и легендах. Легенда о Таганае и его сыне Селямбае (**«Сестра стальных великанов»**), легенда о великане Семигоре (**«Сказки о ремесле»**). **«Сказки из старинной шкатулки»**.

Это сказки и легенды о возникновении названий уральских деревень и поселков, гор и рек. Читатели узнают, откуда пошли названия: Касли, Бердяуш, Кунашак, Таганай. Некоторые сказки из цикла **«Волшебный курай»** созданы на основе рассказов стариков-башкир, записанных краеведом Ф. Хасановым в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области.

Волшебный курай

И так иногда в шутку называли Юрия Георгиевича его близкие друзья. Хотя вернее было бы называть не кураем, а курайчи – музыкантом, играющим на курае. «Вырежет из тростинки певичку-курайчи дудку – запоет курай о белом лебеде Аккоше, о бескрайних степях, о могучих лесах и лебединых озерах», – так написал он в легенде «Волшебный курай».

Юра «вырезал» эти легенды из башкирского фольклора, с которым познакомил его краевед из села Долгодеревенского Фарид Хасанов. Эти сюжеты Юрий Георгиевич художественно переложил на русский язык и включил в свою книгу «Сказки из старинной шкатулки», вышедшей в свет в 1980 году. Как-то корреспондент «Вечернего Челябинска», где мы тогда работали, отправился в уфимскую «Вечерку» с обменными полосами газеты – была тогда такая традиция у уральских «Вечерок». На подготовленной полосе была напечатана одна из этих легенд. Уфимские коллеги ей очень обрадовались, так как готовили к изданию сборник башкирского фольклора. Попросили у Подкорытова и другие легенды. Стали искать для сборника эти легенды на своем родном языке, но не нашли. Тогда решили легенды Юрия Подкорытова перевести на башкирский язык.

Истории об Уральской земле, о её тайнах, об освоении края мы можем узнать из не только из исторических документов, но и из легенд и преданий, которые обычно наполнены элементами художественного вымысла и в то же время содержат бесценные сведения об истории нашего края.

Об этом легенда Юрия Подкорытова **«Голубое зеркало Семигора»**, которая входит в цикл произведений «Осколки древних морей».

Говорят, у русского батыра Семигора, хозяина гор Ильменских, зеркало хрустальное было, да не простое.

Посмотрит в него Семигор – все, что на земле, на воде и в воздухе делается, - все ему видно.

И жила в тех местах старушонка одна завистливая. Юрмой звали.

Ох как хотелось Юрме зеркало такое иметь! Оно понятно – в урмане глухом скучища зеленая. Словоцм перемолвиться не с кем. Которые лешие поблизости жили, и те от завистливой старухи в болото подались.

Забралась как-то Юрма в горную кладовуху Семигора, и так и сяк зеркало из скалы выворачивает. Не хватает силенки. Уж и нечисть лесную помочь просила, посулы богатые обещала.

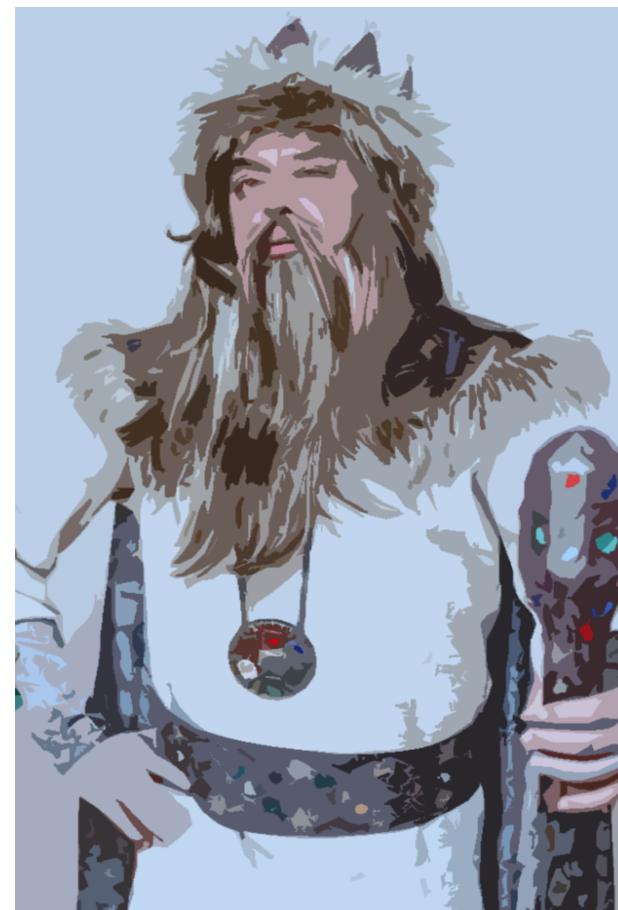
Лешие затылки чешут: и напакостить не прочь, и Семигора побаиваются. Отказались.

Грохнула Юрма клюкой железной по хрустально – разбилось голубое зеркало на мелкие осколки, по всему краю разлетелось. Каждый осколок в голубое озеро превратился. А Юрма со злости комья земли в ближнее озеро стала бросать. Горстями полными. То тут, то там островки на озере выросли.

А дело-то вот чем кончилось: старуху Юрму батыр Семигор в гору каменную превратил.

...Давным-давно поднялся на высокую гору человек, увидел внизу озеро с бесчисленными островками.

– Пестрое озеро, – сказал тот человек, – Чебар-куль!

Автор сочинял песни для героев своих книг: песни скворца Серебряное Горлышко – «Бывалки» и «Небывалки», песню Пурги и др. Читатели его произведений не могли не заметить прелести его «маленьких рассказов о природе», «Этюдov на опавших листьях». Иногда рассказ, сказка писателя совсем малы, в несколько строчек, но они очень информативны и важны по своей главной мысли: «Сладкая фабрика» (о «работе» пчел), «Крепость в лесу» (о муравейнике), «Наследство» (сказка о лесе), «Про воробья Чивика» и т.д. В сказочной форме Юрий Георгиевич рассказывал ребятам о родине, ее природных богатствах, о том, как важно их беречь, о добре и зле.

Журналист, коллега и друг Юрия Подкорытова Аркадий Борченко вспоминал: ***«У него был природный дар любви к природе. Он не выбрасывал из памяти те сказки-истории, придуманные на полянках в лесу вокруг озера Еловое. Со временем они вспомнились, дополнились, переосмыслились и вошли в книжки «Сказки весенних капель», «Скворец – серебряное горлышко» и другие. Но понадобились те летние отпускные лагерные месяцы на берегу замечательного озера Еловое, чтобы писатель Юрий Подкорытов родился как писатель-сказочник и обожатель детей, для кого у него никогда не иссякали вдохновение и творческая энергия».***

Одна из главных тем его творчества – природа. Юрий Георгиевич хорошо разбирался в растениях, знал птиц и лесных животных, потому так поэтичны его сказки и рассказы о природе, приходе весны, птицах. Юрий Подкорытов хорошо разбирался в растениях, знал птиц и лесных животных. Потому так поэтичны его сказки и рассказы о природе, приходе весны, птицах.

В своей неоконченной книге «Берендеево царство» Юрий Подкорытов делится секретом писательской кухни:

«Спросили меня однажды:

– Как вы рассказыки свои пишете?

И я спросил:

– А вы ягоду землянику собирали? Вот и я – за каждым словом, словно за ягодкой, нагибаюсь да кланяюсь. Сперва на вкус пробую, потом горстку на ладошку, прикину – ладно ли весит слово-то, небесполезно ли. Бывает, земляничка сорвется с веточки, в траве густой спрячется. Я ее достану, не пропадать же слову-ягодке, спелому да звонкому. Наполню лукошко – вот и картинка! Ягодка к ягодке, слово к слову».

Как говорится в сказах Юрия Подкорытова о земле Уральской:

«Леса здесь дремучие, реки могучие, горы высокие, степи широкие. Шагом не измеришь, глазом не окинешь. Разве что в сапогах-скороходах идти, либо на ковре-самолете лететь. Да на таком, чтобы ветер, обгонял. И покажется сверху, будто узором из яшмы солнечной горы поднялись, зеленым изумрудом леса переливаются, голубыми бирюсинками озера светятся. Высокого мастерства здесь люди жили. На руку – твердые, на глаз – острые, на слово – меткие. О них и сказки. О людях рабочих, о ремесле их отменном».

Очень ценно в его произведениях то, что в них уральская природа, край с его людьми, их работой, заводами, легендами, историей, языком.

Подкорытов передаёт колорит сказа, ритмику и образность. Например, в сказках о природе, приходе весны, птицах автор использует поэтический язык. Например, в сказке «Скворец – Серебряное Горлышко»:

«Золотыми свечками берёзы стоят, красными шапками тоненькие рябины покачивают. Прыгая с камня на камень, падают с гор звонкие ручьи – непроходимые заросли черёмухи».

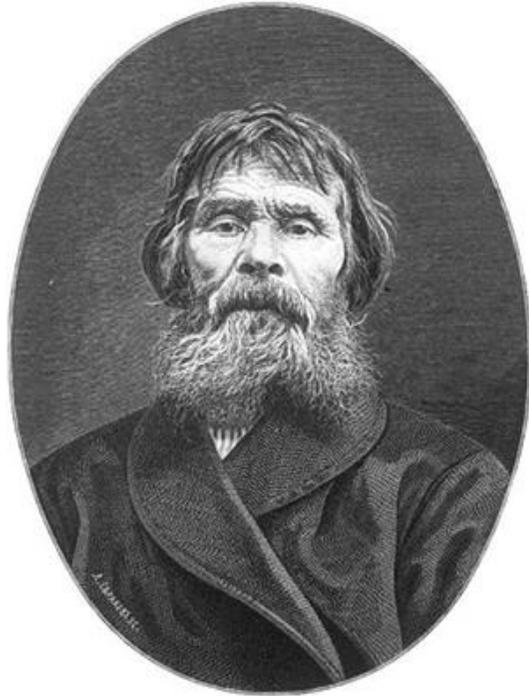
В Объединенном государственном архиве Челябинской области создан личный фонд Юрия Подкорытова, в котором содержатся его рукописи, печатные произведения, публикации о нем его друзей, коллег и литературоведов, документы о нем самом и его семье.

В творчестве Юрия Подкорытова есть несколько пьес для театра. В 1967 году в кукольном театре была поставлена его пьеса «Приключения котенка Миу», в 1970 году там же поставлена пьеса по мотивам русской народной сказки «Два Ивана – два великана». К 100-летию П.П. Бажова Магнитогорский драмтеатр поставил пьесу «Горный мастер», которая шла не один сезон. На центральном телевидении шел спектакль «Малахитовая шкатулка» (две серии) по сценарию Ю. Подкорытова.

*Друг и коллега Юрия Подкорытова журналист Юрий Вишня написал о нем: «**Говорят, одаренный человек одарен во всем. Таким был и Юра Подкорытов. Он талантливо писал, талантливо рассказывал, талантливо дружил. Но главное – он талантливо любил жизнь. Заразительно радовался лучику солнца, капельке росы, теньканью синички, первому грибу, смеху ребенка, доброй шутке, дружескому застолью, точному слову, пришедшему в голову ночью. Так любить жизнь во всех ее проявлениях – редчайший дар. А как он пел, играя на аккордеоне – куда девалось его заикание!.. Несмотря на болезнь, он ушел как-то неожиданно и внезапно. Осталась светлая грусть, светлая память, как утренний туман над остывшим озером, на котором мы любили бывать вместе**».*

Трофим Григорьевич Рябинин

Трофим Григорьевич Рябинин родился в 1791 году недалеко от Кижей, рано остался сиротой и кормился за счет крестьянской общины. Свой будущий репертуар – 26 сюжетов – он еще подростком начал перенимать во время учебы в артелях. Не имея своего дома, Рябинин пошел примаком в дом отца жены и очень гордился позднее, что постепенно обзавелся собственным хозяйством, сам встал на ноги и даже стал после смерти тестя главой жениного рода. Для этого кроме основного занятия – хлебопашества – ему пришлось зарабатывать рыбным промыслом. Так что, когда следующий славист, посетивший Рябинина, А.Ф. Гильфердинг, в 1871 году вывез его в Петербург, оказалось, что тот бывал уже в столицах – по рыбным делам.

На публичном выступлении Рябинина в битком набитом зале Русского географического общества присутствовал и его председатель – великий князь Константин Николаевич. После выступления князь преподнес сказителю серебряный кубок в древнерусском стиле и сто рублей. А годом позже Трофим Рябинин был представлен к медали «За полезное», став, таким образом, одним из первых крестьян, удостоенных правительственной награды.

Эти выступления принесли ему общественное признание. Художник И.Е. Репин создал портрет сказителя. Записанные от Трофима Рябинина напевы былин композитор М.П. Мусоргский использовал в опере «Борис Годунов», Н.А. Римский-Корсаков – при создании речитативов в опере «Садко».

По богатству былинных сюжетов и мастерству исполнения Трофим Григорьевич Рябинин представлял явление выдающееся. Его репертуар состоял из двадцати шести былинных сюжетов (свыше 6000 стихов), записанных от него двумя выдающимися собирателями – П.Н. Рыбниковым и А.Ф. Гильфердингом. Сказитель отдавал предпочтение героическим былинам, отличавшимся четкой ритмичностью, стройной и ясной композицией. За что и был назван «первым среди лучших».

При первом знакомстве со сказителем П.Н. Рыбникова поразила манера его исполнения. В «Заметке собирателя» он передал свое впечатление от этого: **«И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!»**

Встретились сказитель с собирателем случайно. В мае 1860 года П.И. Рыбников должен был по казенной надобности выехать из Петрозаводска на Пудожский берег. Из-за бури лодке пришлось пристать на небольшом островке Шуйнаволок, там решили передохнуть и переждать ветер. Рыбников уснул, разбудили его странные звуки: былину о Садке-купце, богатом госте, пел крестьянин деревни Середка Леонтий Богданов. Именно Богданов уговорил Рыбникова не проезжать мимо Кижей на восточный берег озера и послушать лучшего певца в Заонежье – Трофима Рябинина.

В числе наиболее известных и поныне произведений – сказы об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Добрыне Никитиче и Змее, встречах богатырей с князем Владимиром, Калин-царем и другие. Несколько былин являются уникальными и дотоле известными только в Карелии – например, сказ о Вольге и Микуле. Трофима Рябинина заслуженно считают классиком былинного эпоса, лучшим сказителем Заонежья.

По итогам нескольких поездок в Заонежье и в нынешний Пудожский район Рыбников публикует в периодической печати тексты былин, найденных в Олонецкой губернии. Четырехтомник «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» издается в 1861-1867 годах. Это сенсация: выясняется, что считавшиеся утраченными как жанр древние эпические песни до сих пор исполняются, причем не за Уралом, где их записывал Кирша Данилов, а совсем недалеко от столичного Петербурга.

Открытие Рыбникова получается настолько неожиданным, что ведущие ученые-фольклористы отказываются в него верить, открыто ставят под сомнение достоверность собранных им материалов.

Знакомство Павла Рыбникова и Трофима Рябинина, состоявшееся всего в двух километрах от знаменитых Кижских церквей, вошло в историю русской культуры. Они подружились: европейски образованный молодой человек 29 лет, увлеченный собиранием фольклора, и старик-сказитель, справный хозяин, пользовавшийся особым уважением окрестных крестьян. Собиратель чувствовал, что певец былин – мастер чрезвычайно высокого класса. «Слово «гордость», – писал он, – не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется деликатность, так что это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и к другим».

В 1871 году подтвердить или опровергнуть открытие Павла Рыбникова на месте решает авторитетный фольклорист Александр Гильфердинг.

Перед поездкой в Олонецкую губернию у ученого были большие сомнения в том, что ему удастся поговорить хотя бы с одним сказителем, которого записал Рыбников, рассказывает ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Кижский Ириша Набокова.

«Но когда Гильфердинг оказался здесь, он был потрясен обилием текстов, своеобразием, лексическим богатством, словом древней Руси, которое жило здесь», – добавляет исследователь.

Гильфердинг подошел к делу обстоятельно. Он составлял биографические справки, в своих заметках отмечал образность и стиль языка отдельных исполнителей, особое внимание уделял не только месту записи текста, но и родовым связям сказителя: важно было установить, от кого тот перенял былинку.

Сборник песен, собранных Гильфердингом, издадут в 1873 году («Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года»). Наряду со сборником Рыбникова эта книга стала основой для изучения русских былин, в том числе в плане методологии: прежде исследователи почти не уделяли внимания исполнителям эпических песен и не отмечали особенностей их исполнения у конкретных сказителей.

«На материале, записанном в Карелии, создавалась, в сущности, вся русская наука о фольклоре», – констатировал в XX веке известный советский ученый-фольклорист Марк Азадовский.

Воспроизводить усвоенный сюжет сказителю помогали былинные формулы – устойчивые эпитеты или описания какого-то действия. Например, девица в былине почти всегда будет красная, молодец – добрый. Другие формулы описывали целые сюжетные отрывки (седлание коня, пир у князя, путешествие).

Так, долгий путь у Трофима Рябина не редко описывается формулой:

***«Еще день-то за день будто дождь дождит
А неделя за неделю как река бежит
То он в день едет по красному по солнышку
А он в ночь едет по светлому по месяцу».***

Ирина Набокова считает, что лучшие заонежские сказители были не просто исполнителями, а настоящими поэтами. ***«Текст не заучивался, они каждый раз, исполняя былин, создавали текст заново. Вы представляете, насколько было велико поэтическое ремесло сказителей, если они могли сесть, подумать, собраться и пропеть былин, составить поэтический текст длиной, например, в 180 строк, в 300 строк! Это уникальное мастерство, это чуткость к слову, владение словом, которое просто потрясает»***, – рассказывает Ольга Захарова.

Искусство пения былин и значительную часть своего репертуара Трофим Рябинин передал одному из своих сыновей Ивану Трофимовичу Рябину и стал родоначальником династии Рябиных, представленной в четырёх поколениях.

Ольга Александровна Славникова

Значительная часть произведений Ольги Славниковой содержит в себе фантастические и мифологические элементы. Так, в романе «2017» причудливым образом сплелись образы из «Уральских сказов» Бажова, такие как Великий Полоз и Каменная Дева, и картины антиутопического будущего России.

«2017» – это роман Ольги Александровны Славниковой, который был опубликован в 2005 году, а уже в 2006 году стал победителем премии «Русский буккер» не только по версии профессионального жюри, но и по результатам студенческого голосования. Название произведения «2017» напоминает известную антиутопию Оруэлла «1984», только у Славниковой речь идет о будущем России.

Мир горных духов, рифейских камней у Славниковой – это воплощение настоящего, подлинного, пускай и губительного и опасного.

Отрывок из интервью Ольги Славниковой:

– Напомните читателям, что происходит в этом горном мире.

– Это пространство настолько же мифологично, насколько реально. На севере Рифейских гор найдено большое месторождение рубинов. Оно загипнотизировало моих героев, которые не могли остановиться и набрали столько камней, что не могли с ними выбраться. Им пришлось бросить драгоценную добычу, чтобы спастись, но и то вернулся один руководитель экспедиции Анфилогов, а напарник его погиб.

– Откуда вы так хорошо знаете этот мир?

– Я с 16 лет ходила в походы, сплавила по Чусовой. Не могу сказать, чтобы мне сильно фартило. Моей лучшей добычей были альмандины, прозрачные гранаты ювелирного качества. Женщин в такие походы берут неохотно, это сложные и опасные предприятия. Да взять хотя бы рюкзак – мы тогда ходили со станковыми «Ермаками»: при шадящей «дамской» нагрузке он весит килограммов 20 – а сама я весила 45...

Действие романа «2017» разворачивается на Урале, обозначенном писательницей как Рифейский край. Так в античную эпоху назывались горы у северной оконечности земли в стране гипербореев, которые, по одной из версий, идентифицируются с Уральскими горами. Согласно уральской мифологии, в этих горах находится вход в подземный мир, это граница между двумя мирами.

В романе действуют уральские герои – хитники, промышляющие добычей драгоценных камней. Истинный рифеец – романтик, отважный искатель приключений. Он – хитник, идущий в горы не за богатствами, а для того, чтобы прикоснуться к высшей силе, живущей в горах, почувствовать ее. Профессор-геолог Анфилогов убежден, что ему нужно умереть среди камней, самому превратиться в камень. В героях просвечивают бажовские мифологические и сказовые персонажи: Великий Полоз, Огневушка Хозяйка Медной Горы, она же – Каменная Девка.

Двое моих друзей погибли в горах. Очень опасны, например, карстовые пещеры. Устремляясь за агатовыми жеодами, хитник сперва идет по туннелю в рост, потом опускается на четвереньки, потом ползет. Проход – все: сдать назад уже нельзя, а впереди может быть тупик, завал.

– Почему он не может остановиться? Жадность ослепляет?

– Это не жадность, людьми движут совсем другие мотивы. Хиту – охотников за камнями – деньги интересуют главным образом как способ купить снарягу и снова пойти в горы. Они охотятся не за драгоценностями в их материальном измерении, а за красотой. Ограничик Крылов ведь тоже работает не с камнем как таковым, а со светом, с дополнительными измерениями, которые порождает взаимодействие камня и света. А деньги – всего лишь признак фарта, свидетельство того, что горный мир тебя принял. Так что хита – образ жизни, а не бизнес.

– «2017» отчетливо «уралоцентричный» текст. Как бы вы сформулировали, в чем уникальность, особость этих мест и его жителей?

– Во-первых, Урал – котел народов: татары, удмурты, ссыльные немцы, поляки, чудь белоглазая...

Во-вторых, уральцы очень пассионарны, склонны к риску. Уральская культура возникла на стыке старых сказок о Хозяйке Медной горы и мировоззрения научно-технической интеллигенции. Важная часть уральского мифа – НЛО, но пришельцы существуют в местной ментальности наравне с Великим Полозом и Каменной Девкой.

У Славниковой духи живут среди людей. Каменная девка не обладает особой красотой и внешне ничем не отличается от обычных женщин, ее **«различает только тот, к кому она пришла. Вдруг при виде женщины, ничем особо не приметной, душа у хитника странно намагничивается»**. Очаровывая своего избранника, эта женщина испытывает его чувства. После встречи с ней мужчина либо погибает, закончив жизнь самоубийством, либо обречен всю жизнь страдать:

«Такой не лазил больше за пределы города, завязывал с самоцветным промыслом и, по слухам, не видел себя в зеркалах, отчего утрачивал связь с самим собой». Сама она исчезала навсегда, лишь на могиле самоубийцы **«люди видели во всякий теплый день хорошенькую ящерку»**.

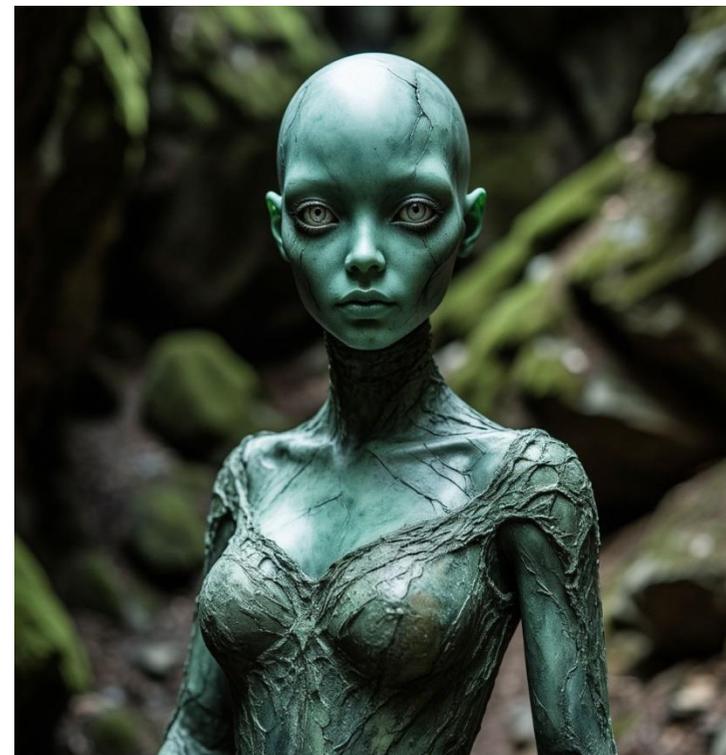
Владимир Васильевич Абашев, д. филол. н., заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, в статье **«Интермедиаальные трансформации горной мифологии П.П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017»** пишет о представителях уральской мифологии (Мир горных духов) представленных в романе:

Каменная девка (Хозяйка Горы) – она является хитнику в обычном человеческом виде, в «родном и желанном облике», может появиться даже в городе. Она ищет настоящую любовь. Многие кончали жизнь самоубийством от ее любви, другие навсегда завязывали с самоцветами и больше не видели своего отражения в зеркалах, а некоторые и вовсе бесследно исчезали. На их могилах часто видели хорошенькую ящерицу с короной на голове.

Хозяйка Медной горы в ее подлинном облике оказывается чудовищной «слепой и лысой кремниевой куклой» с «головой-яйцом» и «светлыми гранеными глазами». Четырехметровый каменный истукан живет своей непостижимой жизнью, передвигаясь в темноте подземных полостей и чутко улавливая малейшие колебания в настроениях и помыслах хитников, попавших в круг ее магического влияния.

Каменная девка в романе предстает как своего рода порождающая матрица. Она продуцирует на поверхности свои призрачные копии, является хитникам в снах, направляя их волю и желания.

Хозяйка может вселиться в любую женщину. Ничем внешне не примечательная, такая женщина магнетически действует на избранников Каменной девки. Для них ее черты будто намагничиваются и «складываются в родной и желанный облик»

Пляшущая Огнёвка все вокруг превращает в лед: «Ее безбровое узкое личико с глазами, как капельки крови, было покрыто, как показалось профессору, прозрачной чешуей».

Ее облик радикально меняется в романе: **«...закрутилась в снежном вихре легко одетая женщина ростом примерно полметра, менявшая форму, будто глина на гончарном круге; ее безбровое узкое личико с глазами, как капельки крови, было покрыто прозрачной чешуей»**. Один из хитников, увидевший фантастическое существо, разочарованно замечает, что Огневка совсем не красавица, как рассказывали: «морда» у нее, «будто у мутанта».

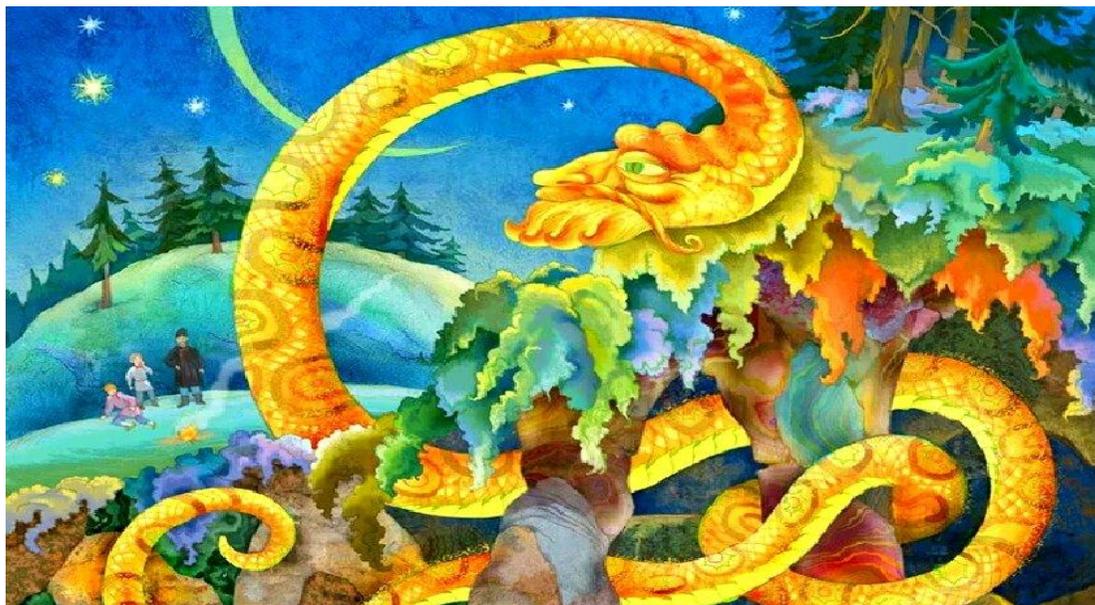

У Славниковой Пляшущая Огневка источает смертоносный космический холод.

Как только хитники, кому довелось с ней встретиться, разводят костер, **«вдруг откуда-то снизу, точно из ракетной дюзы, вырывался бледный огонь – и вода в котелке <...> начинавшая кипеть, моментально превращалась в ноздреватый лед, похожий на кусок Луны. Лютой стужей задувало от магниевого белого костра, в котором обгорелые ветки схватывались, как железная сварная конструкция; все вокруг становилось будто черное кино <...>**

На дне прозрачной белой ночи, слегка подернутой мыльными облаками, ледяной костер крутился, будто слив на дне большой остывающей ванны. Погасить <...> было невозможно: когда Колян по дурости, думая опередить студеную вспышку, кинул на <...> ветки полведра воды, она моментально, в разлете, застыла ледяной щепой, зацепившей развесистый куст, а мокрые лапы Коляна, с мясом приклеенные к тусклому железу, начали покрываться белыми крупитчатыми бородавками».

Великий полоз – это змей с головой огромного старика, который ходит под землей, как под водой. Своим появлением он указывала на «россыпное и жильное золото».

У Бажова появление золотоносного змея связано и с источением нездешнего призрачного света: «не такой, как от солнышка, а какой-то другой», и с холодом. Когда Великий Полоз пересек речку, «вода сразу замерзла по ту и по другую сторону».

То есть Славникова объединяет свойства двух функционально родственных персонажей: и Огневушка, и Полоз – золотоносные духи.

Золотой Волос, дочь Великого Полоза, красавица с длинной золотой косой, у Славниковой превращается в Златовласку. Это трехметровая женщина-монстр с «клубящейся жидким золотом безглазой головой». Действие «рифейской Горгоны» смертоносно: **«Изредка на лице существа, похожем на обтянутый тканью кулак, все-таки разверзались стеклянные трещиноватые глазищи – и тогда зарвавшийся старатель, обливаясь потом и смертельным трепещущим светом, мгновенно превращался в золотую скорченную статую».**

В этом описании очевидны два следа кинокода: «клубящаяся жидким золотом безглазая голова» и «лицо похожее на обтянутый тканью кулак». Клубящаяся жидким золотом голова напоминает трансформации киборга из жидкого металла в фильме Джеймса Кэмерона «Терминатор-2».

Самоцветные линзы в Рифейских горах охраняют «неопознанные летающие объекты; шелковисто-зеленые получеловечки».

У Славниковой горные духи чудовищны и стихийны, они существуют вне человеческих измерений добра и зла. Они по-прежнему находятся в общении с человеческим миром, но потребность горных духов в людях имеет, в сущности, вампирическую природу.

Мир горных недр по каким-то непостижимым причинам нуждается в дополнительной энергии, в особенной степени свойственной тем из рифейцев, кто испытывает внутреннее сродство с энергиями минерального мира... отношения человека и мира горных духов выразительно обнаруживается в эпизоде, когда гроссмейстер хитников профессор Амфилогов вскрывает полную рубинов невероятной чистоты «корундовую жилу».

*В этот момент он **«ощутил такую слабость, будто вся кровь его ушла на образование пурпурного разлома, этой спекшейся подземной красоты».***

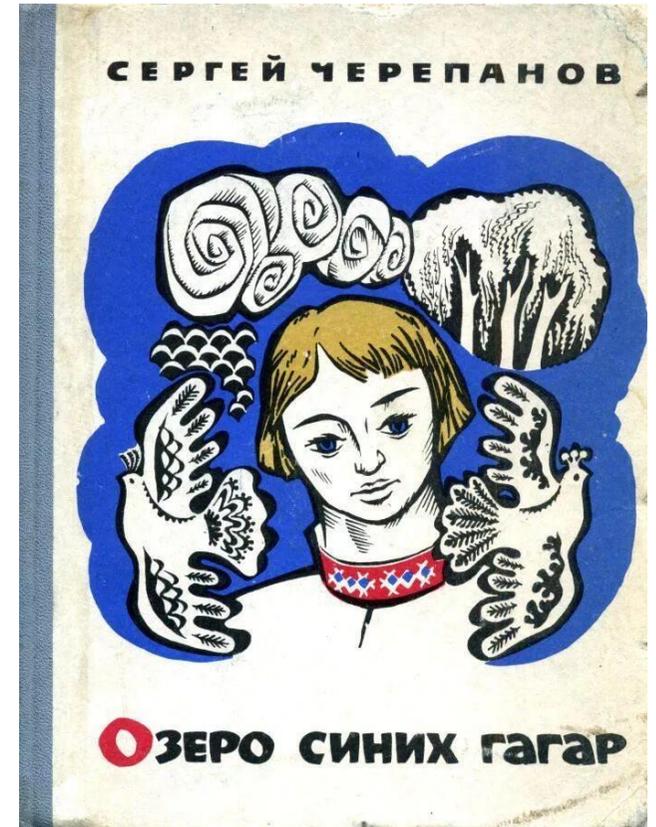

В романе «2017» таким героем является огранщик Крылов (Данила-мастер). Центральная коллизия романа – это его борьба с законами мироздания, несовершенство которого он переживает.

Как следует из слов исследователя В.П. Шалаева, **«в глобализирующемся, постмодернистском, информатизированном обществе место и роль человека трудно определить однозначно».**

Сергей Иванович Черепанов

«Его сердце отзывчиво на добро и радость, он верит, что жизнь, люди, их отношения день ото дня становятся лучше, красивее. Один из персонажей его говорит: «Коли человек на свет появился, надо песни петь, потому что затем он и родился, чтобы радость приносить» (Сказ «Тимошкин сад»)). А. Лазарев

Первая книга сказов «Лебедь-камень» вышла в 1959 г. Один из лучших сказов – «Тимошкин сад». Он потом повторялся и в других сборниках. Почему раньше в уральских деревнях не было садов? «Яблоки, как дорогое и редкое угощение привозили иногда из города», а в Челябинск – из южных краев. В сказе волшебная история о том, как появились на Южном Урале сады.

Позже вышел сборник сказов «Снежный колос» (1964). Книга «Озеро синих гагар» выходила дважды (1971, 1980). Самый полный сборник сказов и сказок Черепанова – «Кружево» (1983). Все сказы прочно вошли в чтение детей. Не зря «Снежный колос» открывается словами: «Посвящаю детям села Сугояк, моим землякам».

Сказы и сказки Сергея Ивановича печатались не только в сборниках, но и на страницах газеты «Челябинский рабочий», журнала «Урал», в челябинском альманахе «Каменный пояс», в сборнике сказов уральских писателей «Живинка в деле». И сейчас сказы Черепанова не забыты. Издана очень добротная книга «Легенды Южного Урала», и там есть его сказ «Анискин родник». Сказ «Снежный колос» (в сокращении) и статья о Черепанове помещены в сборнике «Краткая история челябинской детской литературы».

Сергей Иванович Черепанов – плоть от плоти, кость от кости уралец. Вошел он в литературу из гущи народной жизни. До восемнадцати лет жил в селе Сугояк Красноармейского района Челябинской области. Известно это село красотой окрестных мест, голубым озером да искусными руками умельцев.

Самыми известными его произведениями стали его уральские сказы. Его называли продолжателем дела П. Бажова. Профессор Челябинского государственного университета А.И. Лазарев писал, что Черепанову удалось **«укротить» этот «строптивый, но прекрасный жанр».**

Интерес к народным преданиям, верованиям у Сергея Ивановича еще с детства. Он любил свою деревню, родной край. Много дали ему поездки по Челябинской области, как селькора. Сказочное и реальное переплетено в его сказах. Если П. Бажов писал сказы на основе горнозаводских преданий, то С. Черепанова интересовало народное творчество равнинного, деревенского Зауралья. Он прекрасно знал язык южноуральской деревни. Поэтому в его сказах мы не найдем ни горного батюшку, ни Хозяйку Медной горы, ни Полоза, ни Огневицу – всего того, что так характерно для поэзии уральских рабочих.

Своеобразие С.И. Черепанова как писателя заключается в его тяготении к быличке – разновидности предания, суть которой состоит в том, что здесь в основу повествования положены народные суеверия. Старинные страхи таежных людей дают писателю пищу для создания увлекательных сюжетов, лишенных суеверного содержания и помогающих выражению определенной поэтической идеи.

Так, былички о таинственной типун-траве, дурманящей человека, под пером Черепанова превращаются в сказ о дружбе и верности; образ «типун-травы» символизирует силы, которые стремятся разрушить связь между людьми, их доверие друг к другу. Это же можно сказать про Заманиху – уральский вариант Лешего.

В сказе С.И. Черепанова **«Дедушкина песня»** Заманиха действует, как во всех суеверных рассказах и толках: она заманивает человека в лес, и он уже не может выбраться оттуда; она прячется за березой, пеньком, быстро перемещается, оставаясь не видимой для человека; она имеет колдовскую силу, но только по ночам, – при первом луче солнца становится жалкой «бабенкой», способной напроказить, но не натворить беды. Однако все это служит писателю художественным средством для выражения мысли о творческих силах человека, могущего в единоборстве с самыми таинственными силами выйти победителем.

Язык сказов и сказок С.И. Черепанова по-народному выразителен и точен. Вот как просто и образно нарисована картина ночи: **«Месяц из-за тучки выглянул, положил вдоль речки шелковый половик»** («Голос большого колокола»). Характер сельского богатея ясен из одного определения: **«Поглядит этак на тебя свысока, как по гвоздю молотком ударит»** («Про комиссара и белую птицу»).

Очень удачно найдена художественная деталь в сказе **«Кострище у Зеленого лога»** для изображения жадности кулака Овсея Поликарповича. Он **«сахар из сахарницы брал не ложкой, а шилом. Сначала лизнет шило, потом макнет его в сахарницу, сколько сахаринок прильнет, то и довольно»**.

Неслучайно статью о Черепанове-сказителе А. Лазарев назвал **«Светлые мысли, родниковые слова»**, а писатель Евгений Пермяк писал Черепанову о сказах: **«Словесное богатство, изящество словосочетаний, афористичность, юмор, сюжетное построение и многое другое чарующе привлекательны... у Вас свой голос есть»**.

Сказы и сказки Черепанова посвящены человеческой доброте, бескорыстию, дружбе и написаны языком человека, любящего и знающего свой уральский край:

«...Впрочем, приглянулись-то Зоряне наши места не только за их красоту. А жил здесь Голуба. Хоть и давно это было. И вот тут, возле озера, началась меж ними большая любовь. Да здесь же она и закончилась. Но перед тем как попрощаться обменялись Голуба и Зоряна обручальными кольцами. А тайну об этом гагарам препоручили. Тем гагарам, у коих подкрылки синие. Чтобы от других гагар их отличить. И сказка есть. Та, что Зоряна последний раз слушала. Самая дорогая для нее сказка. О чем – про то она лишь знает. Да Голуба. Сказка в ларце лежит. А ларец тот синие гагары на дно озера унесли. Когда Зоряна шибко соскучится, загрустит о своем милом Голубе, то гагары ларец достанут, ей в руки передадут. И оживает перед ней то время. Как живет все, чего Голуба кистью-живицей коснулся...».

«Художественный мир сказок-выдумок С. Черепанова необычен: здесь встречаются лихоманки, говорящие звери и насекомые. Этих героев условно можно назвать загадочными существами. Однако чаще всего центральное место в каждой сказке занимает человек, который проходит испытание на верность, честность, добросердечнее».
А. Лазарев

жадные люди: старшина погрозила Голубу в кандалы заковать и в Сибирь сослать, а поп Захар захотел кистью завладеть, «чтобы деньги малевать». Голуба покинул свое селение, напоследок коснувшись кистью-живицей лугов, еланей, лесов и подлесков, логов и ручьев, которые обрели удивительную красоту.

Главным героем сказки **«Егор-Синегор»** становится герой, имя которого вынесено в заглавие. Это человек добрый, покладистый, он наделен невиданной силой. Помощницей же становится чуткая девушка – Устенка. Она, презрев опасность, выручила Егора, нарушив при этом запрет ступить в реку.

«В речке ноги не замочи, не то отымутся они у тебя...» – говорит ей Старик Шабала. Однако любовь Устенки сильнее страха нарушить запрет.

В другом произведении Черепанова **«Озеро Синих Гагар»** социальные и сказочные мотивы переплетены. Наум Голуба, главный герой произведения, был мастером сказки сочинять и рассказывать их. Ему противостоят корыстные и

А. Лазарев пишет: **«Человек в мире сказок Черепанова занимает важное место: он сталкивается с необычными явлениями природы, странными существами. Люди оказываются как сильными, так и слабыми, как щедрыми, так и алчными. Они могут противостоять друг другу или окружающим их существам».**

Загадочные существа в сказках Черепанова (отрывок из статьи А. Лазарева)

В сказках-выдумках Черепанова наряду с людьми действуют персонажи необычные, чудесные: по происхождению они относятся либо к явлениям природы, либо к животным, а по поведению подобны людям. Условно обозначим эту группу персонажей как загадочные существа. В сказках-выдумках Черепанова можно выделить две группы таких персонажей.

Первую – составляют животные. Как и в народных волшебных сказках, в произведениях Черепанова животные могут выступать в качестве помощников. Например, в «Еленкином кружеве» главной героине помогла убежать из дома ненавистного жениха Фотьки Ласка. Таким образом, зверушка отблагодарила девушку за то, что та помогла ей выбраться из капкана. Помощником Еленки оказывается и Паучиха, у которой девушка научилась кружевному ремеслу. В другой сказке в качестве помощника выступает Снегирь: он помогает Недрёме найти клад.

Вторую группу, более многочисленную, составляют хранители богатств, тайн природы, по облику они похожи на человека. Традиционно таких персонажей называют антропоморфными. В сказках-выдумках Черепанова они выполняют разные функции.

Например, старичок-луговик из «Еленкиного кружева» выступает в роли дарителя и помощника: он дарит волшебную семерик траву, которая «прячется от людского глаза». В ней такая способность: «красоту наводить, от увечья спасать, от хвори оберегать, милого привораживать...».

В сказке «Серебрянкин клад» главная героиня Серебрянка одарила Недрёму, показав, где её клад спрятан. Создавая этот образ, автор рисует прежде всего портрет героини: «Платье на ней из белого атласа, все сверкает, вдобавок зеленым гарусом вышито, горностаевым мехом кругом оторочено».

Однако не все загадочные существа готовы помогать людям. Так, Пожива из сказки «Егор-Синегор» пытается сгубить главного героя колдовскими чарами или так называемой «чёрной любовью».

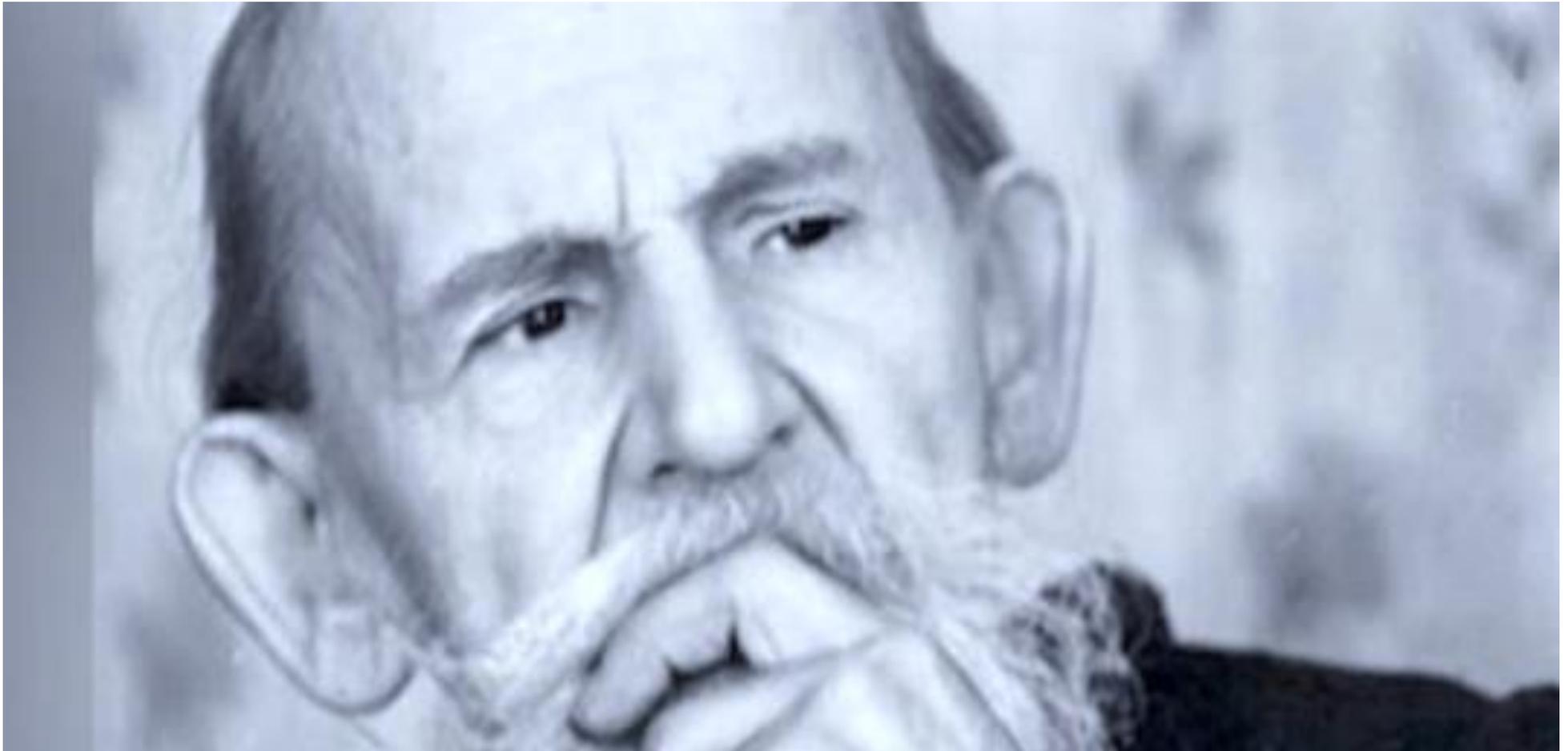

«Прощаться я не люблю. Сказать «прощай» – это навсегда. Зачем же? Вот и журавли никогда не прощаются. Скоро они тоже улетят – «курлы! курлы!», – а весной возвратятся. Всех нас привлекает то место, где мы провели юность...».

С. Черепанов («Утро нового дня»)

И он не прощается. На родине литератора, в селе Сугояк, на здании местного дома культуры, где расположена Сугоякская библиотека им. С.И. Черепанова была торжественно открыта Памятная доска. Также проводятся традиционные Черепановские чтения, посвященных литературным и историческим процессам Красноармейского района Челябинской области.

Борис Викторович Шергин

*«Не пуста Россия-та! Люби, храни сердцем и мыслью места-те святые святой Руси.
И не сомневайся, что они и есть на своем месте...». Б. Шергин*

Борис Викторович Шергин – уроженец Архангельска, исследователь и собиратель северного фольклора, знаток истории и культуры русского Поморья, писатель, автор рассказов об исконной поморской жизни, кораблестроительстве, традициях и святынях Русского Севера. Дневники Бориса Шергина, опубликованные уже после его смерти, – истинный кладёз духовного опыта, мудрости и словесной красоты.

По словам литературоведа Елены Галимовой, много лет занимающейся исследованием творчества Бориса Шергина, его литературное наследие – это настоящий творческий подвиг, благодаря которому были спасены от забвения сокровища поморской культуры – мореходной, художественной, словесной.

Шергин рассказывает о том, что такое твоя родина, какими связями спаян ты с ней, какую радость и полноту существования даёт эта связь; как прекрасен русский человек, северянин, помор в своей глубинной сути. Как прекрасна и разумна жизнь, построенная на трудовых и художественных традициях отцов и дедов.

Слово Шергина, драгоценный его язык – тоже первостепенен. Каждого, кто читает Шергина или слушает записи его выступлений, восхищает и поражает его речевое богатство. Наверное, как никто другой, Шергин умеет в равной степени щедро питать свой язык и живым народным словом, в первую очередь – северорусским, и всеми богатствами русского литературного языка. Характерно, что одна из самых первых публикаций Шергина, ещё дореволюционная, 1915 года, в газете «Архангельск» была посвящена именно языку, необходимости бережного отношения к богатствам народной речи. Борис Шергин писал: **«Наш архангельский северный народный говор – главное, чем мы, жители Двинской земли и всего Беломорья, можем особенно гордиться. Надо, чтобы русское общество узнало о древности северного говора и оценило его образное богатство».**

«Фамильно-сказительный фонд»

Борис Викторович Шергин родился в семье именитого корабельного мастера и морехода Виктора Шергина. Отец помимо того, что был необычайно мастеровитым человеком, ещё обладал и талантом рассказчика. **«Виденное и пережитое, слышанное и читанное отец умел пересказать так, что оно навсегда осталось в памяти у нас, его детей»**, – вспоминал Борис Шергин. Талантливой сказительницей была и мать писателя Анна Ивановна – **«при случае и в будни что-нибудь вспомнит, как жемчуг, у неё слово катилось из уст».**

В гостеприимном и уютном доме Шергиных в зимнюю пору, когда Белое море было сковано льдом, собиралась по вечерам «дружина отцова», как называл её писатель, – именитые поморские мореходы и корабли. **«Соберутся вместе, пригубят “чашу моря соловецкого” и тогда пойдут речи златоструйные, златословесные. О, какой пир был бы для художника, для поэта глядеть на этих людей и слышать их речи»**, – вспоминал Борис Шергин. По его словам, все друзья отца, помимо их главного пристрастия к морскому делу, в душе были художниками и поэтами.

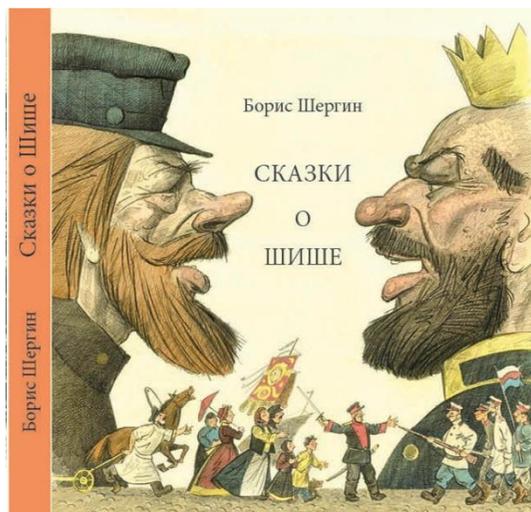
Именно в родительской семье будущий писатель и сказитель собрал свой главный творческий багаж – былины, старинные, новеллы, песни и скоморошины Русского Севера. Как писал он сам, **«впоследствии в море – на кораблях, на пароходах, на лесопильных заводах я лишь пополнял этот основной свой фамильно-сказительный фонд».**

Ещё будучи учеником местной гимназии, юный Борис Шергин завёл себе специальные тетради, куда записывал всё, что слышал от отца и его друзей – былины, легенды, предания. Со временем тетради превратились в толстые книги. А те рассказы Борис Шергин помнил наизусть всю жизнь.

Чтобы отстоять право на существование народных былин и сказок, Шергин задумывается о написании книг, где севернорусский фольклор предстанет в художественной обработке. И в 1924 году выходит его первая книга **«У Архангельского города, у корабельного пристанища. Сборник старинных».** Шергину удалось в своей обработке сохранить и живой народный говор, и древний напев (в книге давались и ноты). К тому же он украсил свою первую книгу собственными иллюстрациями – в стиле старинных книг.

В конце 20-х гг. на страницах журнала «Пионер» появились первые произведения писателя для детей, – ставшие вскоре знаменитыми сказки о Шише: «Доход не живёт без хлопот», «Наш пострел везде поспел», «За шишовым языком не поспеешь босиком». В 1928 г. вышел сказ «О лопарях» – поэтическое переложение в духе «Калевалы» одной из глав повести М. Пришвина «За волшебным колобком».

Сказочная «эпопея» о Шише – беглом холопе, мошеннике и плуте, складывалась еще при Иване Грозном, но в наиболее полном виде эпос сохранился лишь на Севере. Здесь в Архангельской губернии Шергин собрал более 100 сказок о Шише.

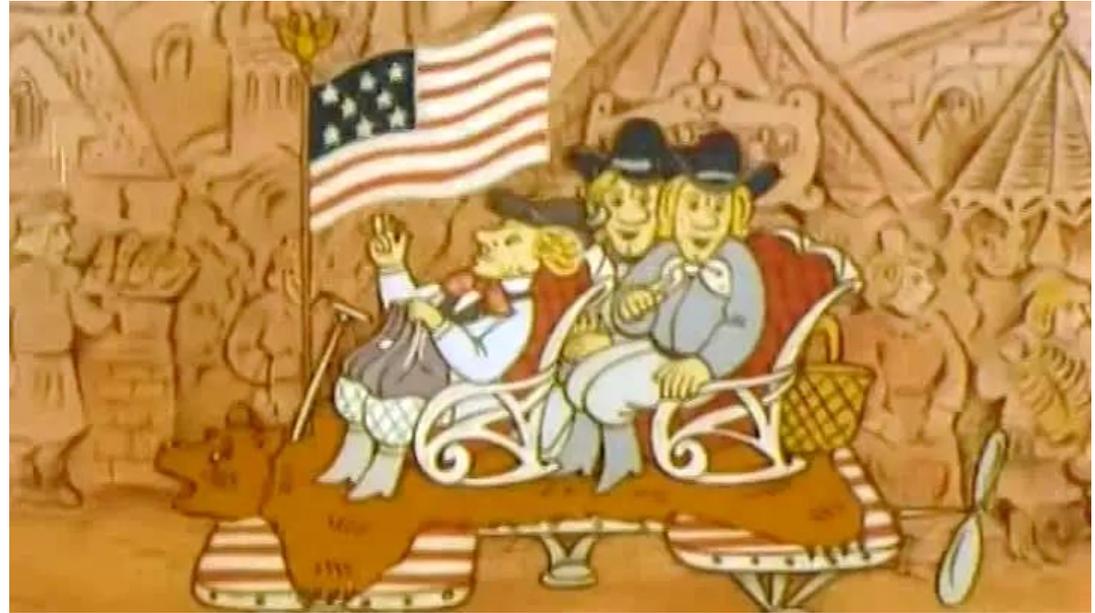
В 1930 году была издана первая книга сказок о веселом бродяге Шише «**Шиш московский**». Необычайный успех принесли Борису Шергину выступления со сказками о Шише на радио под псевдонимом «Шиш Московский».

Шергину удалось передать музыку устного исполнения народных сюжетов, увлечь слушателей народной сказкой. В его исполнении балагур, бродяга и плут, надувающий богачей, стал любимым героем детей тех лет.

Сказки Бориса Шергина знают даже те, кто забыл имя автора: мультфильмы смотрели все! «Волшебное кольцо» ведь почему шедевр мультипликации? Не рисовка уникальна, а сама литературная основа, язык!

«Спинжак с карманАми», «Ульянка хуже каросину», «Мост анжанерной работы из хрусталя».

На малой родине, в Архангельске, Бориса Викторовича называли архангельским Гомером. Его сказки, повести, и даже литературные мистификации (поддельные «Хождения» – это сознательная или бессознательная попытка спасти то, что исчезало на глазах: северный диалект – культуру поморов.

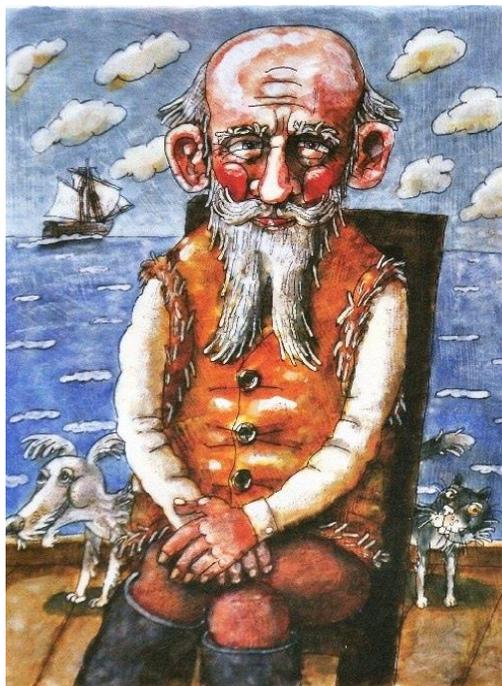
Всякая шергинская старина-былина начинает свой разбег с Белого моря. Слова, как брызги морские, в лицо летят. **«Ой, ты море, море, море синее, // Море синее, море солоное!..».**

Борис Шергин написал 12 сказок, создав своеобразный жанр авторской сказки – фольклорно-литературный. Исследователи творчества писателя неоднократно отмечали, что Б. Шергин **«работал на стыке двух художественных систем – литературы и фольклора, сам, своим творчеством эти системы состыковывал»** (Е.Ш. Галимова), стремился вплести узоры устного слова в ткань литературного произведения. Отсюда – авторская сказовая манера, напоминающая стиль русских летописей.

«Светлое слово доброго человека»

**«Глубокое, ценное слово о родимой стороне
может сказать только тот человек, для
которого его родина не есть «край», а центр».**
Б.В. Шергин

Юрий Коваль, писатель и друг, высоко ценил чуткость Бориса Шергина к слову. **«Сколько писателей – столько рассказов. Если уж писатель пожелает что-то отписать – обязательно опишет и скажет: взято из жизни. А ведь не разберёшь: искренне это или нет? Как же разобраться? Выдаёт неверное слово»**, – приводит он слова старейшины. Шергин стал для Ковалья критерием настоящей прозы. Когда коллега по писательскому цеху Марина Москвина спрашивала у него, какой должна быть настоящая проза, он отвечал: «Она должна быть такой, чтобы готов был целовать каждую написанную строчку». Ему врезалось в память шергинское **«слово – ветер, а письмо-то век...»**.

Глубинной связью с народной речью отличается проза северного патриарха литературы. Да он и сам не скрывал этой связи: **«Я всегда старался колоритной северной речью одеть сюжет»**.

С Шергиным сверял Коваль всё своё написанное – свои короткие рассказы и повести, считая Шергина **«русским писателем необыкновенной северной красоты, поморской силы»**.

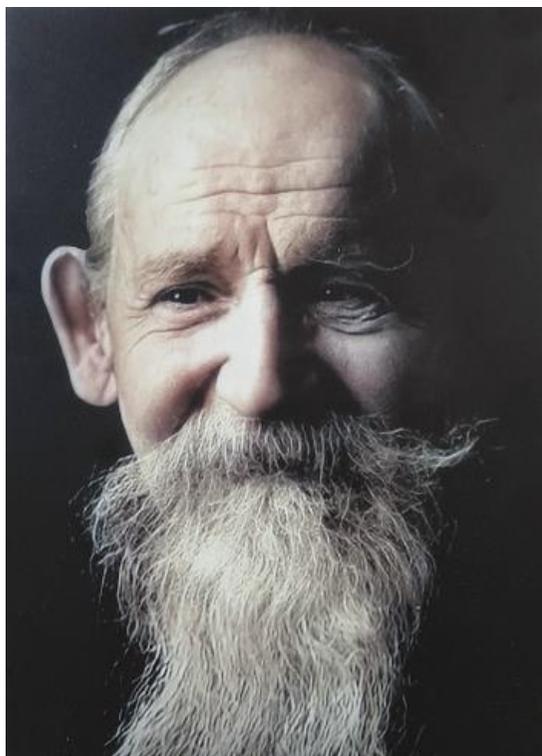
Страницы из дневника Б. Шергина

Живя в полуподвале в центре Москвы и заслышав глубокой ночью, как летят над столицей журавли, Борис Викторович спешил на крыльцо и долго стоял там, склонив голову к левому плечу, а правое ухо направив, как локатор, к небу.

«Какая флейта, – говаривал он, – какой хор, какия виолончели могут воспроизвести эту гармонию – пренебесные звуки, серебряный звон, блаженный зов летящих журавлей!..».

7июля

...Слушать и внимать шелесту листвы, шуму ветра, шороху дождя... Уж столько у дождя разговору со старинною крышею нашего домика! Видно, давно знакомы. Сначала редкие капли обмолвятся словом да помолчат. А потом все заговорят, зарассказывают спешно. Тучка-то торопится, деревень-то много надо облететь, каплям дождевым многое надо обсказать: то у них и спешная говоря-та. Ино в ночи долгую повесть дождь-от заведет. Я лежу да внимаю... Осенний дождь слушать люблю. Он моё мне рассказывает. Мерная говоря дождя, особливо осеннего, покой в душу приводит.

**Писатель Юрий Федорович Галкин: «Творчество Шергина, сама его личность вос-
становливают полноту созидательного бытия и самочувствия человека как
неслучайного и не временного существа на своей земле. Потому и творче-
ство его, и он сам необходимы нам всем на каждый день, как верующему чело-
веку молитва».**

Концовка

*Сказ от начала начинается,
до конца читается,
в середине не перебивается*

Традиции уральских сказов, заложенные Павлом Петровичем Бажовым, продолжают развиваться в творчестве современных авторов и исследователей. Многие авторы обращались к теме Урала, его истории и фольклора, вдохновляясь мастерством и сюжетами Бажова. Павел Петрович Бажов любил Урал. Когда прочитал в путевых записках «Хождение за три моря» Афанасия Никитина слова **«Нет земли краше нашей, господь, да устроит ее»**, Бажов заплакал. Так близки они ему оказались. В России были и есть продолжатели бажовского дела – писатели, которые дарили и дарят детям и взрослым сказы.

Сказы – одно из самых ярких литературных явлений XX века. В них сливаются народные сюжеты и талантливая авторская мистификация, важные детали быта и удивительный певучий язык. Их любят за таинственную атмосферу, поэзию труда и творчества, за живых, с огромной любовью и художественной достоверностью выведенных персонажей.

Сказы увлекают сюжетом и одновременно раскрывают перед читателем важные нравственные смыслы, говорят о смелости, честности, выборе. Учат, не поучая, одновременно погружают читателя в народный язык, похожий на сундук с сокровищами.

В следующем дайджесте мы продолжим рассказ о литературных продолжателях П.П. Бажова и познакомим Вас, уважаемые читатели, с творчеством уральских писателей: Владимир Галкин, Татьяна Горкунова, Дмитрий Кириллов, Александр Лазарев, Василий Лепешков, Денис Макурин, Екатерина и Алексей Малышевы, Зоя Прокопьева, Таисья Пьянкова, Валентина Усольцева, Юрий Шинкаренко.

Список литературы:

1. [Бажов и Пермьяк]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://borinskoe-lib.ru/wp-content/uploads/2023/07/444i-472x245.jpg> (дата обращения: 23.01.2026).
2. [Бирюков В. П. и его книги]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://miasslib.ru/wp-content/uploads/2025/07/Бирюков-книги.jpg> (дата обращения: 23.01.2026).
3. [Больных Александр Геннадьевич]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://archivsf.narod.ru/1954/alexandr_bolnyh/140.jpg (дата обращения: 23.01.2026).
4. [Лесное чудовище маньчжур: снежный человек в мифологии манси]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/8225917/pub_63ef43dddab4e7234ff6abdb_63ef48f23398503757d529de/scale_1200 (дата обращения: 23.01.2026).
5. [Николай Евгеньевич Ончуков]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://naomuseum.ru/upload/sobytiya/3Uchastniki_expeditcii_v_d_Shokshozero_Leningradskoy_obl_Sleva_napravo_N_A_Nikitina_E_M_Mogilyanskaya__N_E_Onchukov_l.jpg (дата обращения: 23.01.2026).
6. [Степан Григорьевич Писахов]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://cdn8.pravdasevera.ru/62fa0da2c2553919e00538f2/62fa0e1cae18d.jpg> (дата обращения: 23.01.2026).
7. [Юрий Георгиевич Подкорытов]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://litkarta.chelreglib.ru/media/photos/2018/02/28/podkoryitov-yurij-georgievich-1934-1989-pisatel-zh_CChUvnm.jpg (дата обращения: 23.01.2026).
8. [Юрий Киприянович Гребеньков и его книги]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://miasslib.ru/wp-content/uploads/2025/07/Гребеньков-книги1-1.jpg> (дата обращения: 23.01.2026).
9. Капитонова, Н. А. Власова Серафима Константиновна / Н. А. Капитонова. – Текст : электронный // Литературная карта Челябинской области : сайт. – 2017. – 4 марта. – URL: <https://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/vlasova-serafima-konstantinovna/> (дата обращения: 23.01.2026).

10. Капитонова, Н. А. Кондратковская Нина Георгиевна / Н. А. Капитонова. – Текст : электронный // Литературная карта Челябинской области : сайт. – 2018. – 19 окт. – URL: <https://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/kondratkovskaya-nina-georgievna/> (дата обращения: 23.01.2026).
11. Капитонова, Н. А. Подкорытов Юрий Георгиевич / Н. А. Капитонова. – Текст : электронный // Литературная карта Челябинской области : сайт. – 2018. – 6 февр. – URL: <https://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/podkorytov-yurij-georgievich/> (дата обращения: 23.01.2026).
12. Лоскутова, О. Вишерское путешествие Николая Ончукова / Олеся Лоскутова. – Текст : электронный // Краеведческий Фонд «Наш Урал» : сайт. – 2020. – 19 февр. – URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/visherskoe-puteshestvie-nikolaya-onchukova/> (дата обращения: 23.01.2026).
13. Особенности языка сказов П. П. Бажова. – Текст : электронный // MicroAnswers : сайт. – 2015. – 28 мая. – URL: <http://answers.hintfox.com/article/osobennosti-jazika-skazov-bazhova.html> (дата обращения: 23.01.2026).
14. Приказчикова, Е. Е. Александр Больных как создатель уральского фэнтези XXI в. / Елена Евгеньевна Приказчикова. – Текст : электронный / Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2025. – Т. 31. – № 2. – С. 126-140. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/143734/1/iurp-2025-2-12.pdf?ysclid=mkqgw4ueb917671457> (дата обращения: 23.01.2026).
15. Скороходова, Л. А. Гребеньков Юрий Киприянович / Л. А. Скороходова. – Текст : электронный // Литературная карта Челябинской области : сайт. – 2017. – 20 окт.– URL: <https://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/grebenkov-yurij-kipriyanovich/> (дата обращения: 23.01.2026).
16. Степан Писахов – художник и сказочник. – Текст : электронный // Kraeved1147 : сайт. – 2025. – 01 июня. – URL: <https://kraeved1147.ru/pisahov/> (дата обращения: 23.01.2026).
17. Янко, М. Д. В. П. Бирюков / Михаил Данилович Янко. – Текст : электронный // ВикиЧтение : сайт. – URL: <https://lit.wikireading.ru/hCd5WeTyEo> (дата обращения: 23.01.2026).

Ознакомительное издание

Бажовский круг

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. П.П. БАЖОВА

